
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 5 ЯНВАРЬ 1976

На стапеле — «Сибирь».

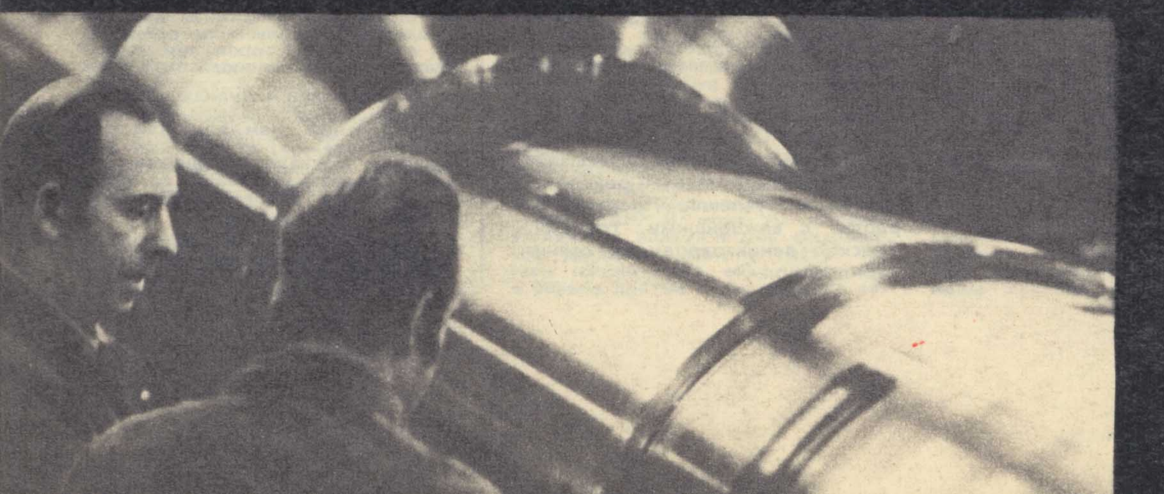
ДАЕШ

Сварщик, комсомолец В. А. Кутузов.

Ь «СИБИРЬ»!

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото И. ТУНКЕЛЯ

Дважды Герой Социалистического Труда А. В. Чуев.

Бригадир Герой Социалистического Труда, член ЦК КПСС В. А. Смирнов.

Центральный Комитет КПСС, Совет Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ выражают твердую уверенность в том, что трудящиеся страны, активно включившись во Всесоюзное социалистическое соревнование, новыми трудовыми достижениями встретят XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, обеспечат повышение эффективности производства и качества работы, успешное выполнение народнохозяйственного плана на 1976 год и тем самым внесут достойный вклад в осуществление величественных задач десятой пятилетки.

Из постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О Всесоюзном социалистическом соревновании за повышение эффективности производства и качества работы, за успешное выполнение народнохозяйственного плана на 1976 год».

Корабелы, провожая в первый рейс свое новое детище, испытывают огромную радость и... грусть. Радуются они делу рук своих, а грустят потому, что ушел от них могучий новорожденный.

Ленинградский Балтийский завод строит много судов различного назначения. И у каждого из них свой «дом» — порт приписки. Так было и с атомоходом «Арктика». Его еще достраивали у заводской стенки, а на корме уже было начертано название порта. Отработав очередной навигационный период, судно будет возвращаться домой. Тут его покрасят, принарядят, сделают ревизию механизмов — и снова в путь, в высокие широты. Проводив «Арктику», балтийцы тут же приступили к строительству второго, однотипного по конструкции ледокола. Имя ему определили — «Сибирь». А от «Арктики», которая прокладывала во льдах путь караванам судов, шли добрые вести. Было ясно, что применение атомных энергетических установок в транспортном флоте решается успешно. Доблестный труд балтийцев отметил Центральный Комитет партии, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев тепло поздравил создателей самого мощного в мире атомного ледокола, пожелал им новых побед. Это приветствие вызвало у судостроителей новый прилив энергии. Родилось встречное, напряженное обязательство: спустить на воду атомоход «Сибирь» на сорок дней раньше — к XXV съезду КПСС.

Мы ведем наш репортаж со стапеля Балтийского завода, где высится корпус «Сибири». Строят новый ледокол те же цехи и бригады, которые создавали «Арктику». Они накопили богатый опыт и теперь совершенствуют производственные процессы, сокращают время отдельных, особо сложных операций... Здесь, на стапеле, мы встретились с давнишним нашим знакомым, Героем Социалистического Труда, бригадиром сундосборщиков Василием Александровичем Смирновым. Сколько кораблей он построил, сколько их проводил в далекие моря и океаны! Но вот атомный ледокол — второй в его рабочей биографии.

Бригада Смирнова пришла на стапель одной из первых, она начала строить «Сибирь» от «нуля», с закладки днищевых секций. Потом формировала правый и левый борта корпуса, кормовую оконечность, монтировала центральный отсек под атомный реактор. Многие стапельные работы ведутся под открытым небом, а погода нынче капризна и даже коварна: с Балтики дует колючий ветер, дважды наведывался ураган. Снег сменяется дождем, оттепель — морозом. Нелегко приходится в такие дни, но бригада перед трудностями не пасует и всегда идет с опережением графика. Недаром славится она товарищеской взаимопомощью.

Мы было подступили к Смирнову с расспросами, но он предложил перенести разговор на вечер, коротко объяснив: дел много...

Да, дел у Василия Александровича Смирнова, члена ЦК КПСС, много — и заводских, и партийных, и общественных.

Спуск на воду атомного ледокола «Сибирь» к открытию партийного съезда — сейчас самое большое и важное дело балтийцев. Предпусковые дни в разгаре. Вот-вот из цеха на стапель начнут подавать гребные валы. Длина каждого — свыше пятнадцати метров, вес — пятьдесят тонн. Обрабатывает их знаменитый токарь Алексей Васильевич Чуев. Работа эта очень сложная и тонкая.

Валы, обработанные Чуевым, смонтированы на атомоходах «Ленин» и «Арктика», на супертанкерах «Крым» и «Кубань» и еще на многих кораблях, построенных в Ленинграде и других городах. Токари многих родственных предприятий приезжают знакомиться с опытом А. В. Чуева.

Алексей Васильевич после войны пришел в тот самый цех, где когда-то работал вместе с отцом. Ветераны помнят, как сын-токарь обогнал отца-токаря. Но главное не в этом — здесь раскрылись творческие способности Алексея.

Страна нуждалась в быстром пополнении флота, надо было изыскивать пути ускорения строительства судов. Коммунист Чуев понимал важность и значение задания. Он создал особый резец, благодаря которому машинное время на чистовой обработке вала сократилось в двенадцать раз! Потом переделал станок, изменил технологический процесс обточки гребных валов...

Много лет Чуев возглавляет Совет ленинградских новаторов — этот штаб рационализаторов и изобретателей, которые сберегли стране десятки миллионов рублей.

В тот январский день, когда мы знакомились со строительством «Сибири», пришла радостная весть: Алексей Васильевич стал дважды Героем Социалистического Труда. Этой награды он удостоен за выдающиеся трудовые успехи, досрочное выполнение заданий девятой пятилетки, выпуск продукции отличного качества и большой вклад в строительство атомного ледокола «Арктика».

И еще одна встреча — с главным строителем атомохода «Сибирь» Анатолием Степановичем Монаховым.

— Мастеров такого высокого класса, как Чуев и Смирнов, у нас много, и в этом залог наших успехов,— рассказывает главный строитель. Он называет имена корабелов, создавших «Арктику», а сейчас строящих новый ледокол-богатырь. Да, он такой же, как и «Арктика», и вместе с тем не такой. В процессе работы в него вносятся изменения и коррективы, подсказанные первым эксплуатационным рейсом предшественника во льдах Северного морского пути. Сооружение ледокола «Сибирь» идет быстрее, дешевле...

Сорок лет Монахов на Балтийском заводе. Строил лесовозы, крупнотоннажные танкеры, научно-исследовательские суда, а сейчас отвечает за «Сибирь». В строительстве ледокола участвует много предприятий. Только крупных заводов двести, которые поставляют заготовки, машины, оборудование, материалы, приборы... От строжайшей дисциплины смежников зависит ритмичность и слаженность работы корабелов.

— Ледокол «Сибирь» называют родным братом «Арктики». Хотите, мы сейчас соединимся с «Арктикой»?— предлагает Анатолий Степанович.

И вот у аппарата капитан атомохода Юрий Сергеевич Кучиев.

— Что могу сказать? Записывайте... Первый арктический рейс прошел весьма успешно. Провели корабли с важнейшими грузами. Спасибо ленинградцам за отличный ледокол.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 5 (2534)

31 ЯНВАРЯ 1976

Когда верстался репортаж, мы получили очередной, четвертый номер кубинского журнала «Боэмия» с этой фотографией. Она сделана в Анголе. Среди врагов молодой республики — представители китайской военщины.

Действуя заодно с интервентами, пекинские руководители снабжают оружием раскольническую организацию. На снимке: Холден Роберто (в военной форме), названный американской печатью агентом ЦРУ, обходит лагерь ФНЛА на севере Анголы в сопровождении трех китайских военных инструкторов.

Мир внимательно следит за событиями в молодом африканском государстве — Народной Республике Ангола, которая стала жертвой заговора с участием внешней и внутренней реакции. Иностранная интервенция встречает отпор ангольского народа, активно поддерживающего Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА).

Этот фоторепортаж «Огонек» получил из белградского еженедельника «Илустрована политика». Корреспонденты журнала НИКОЛА ДЖОРДЖЕВИЧ и АЛЕКСАНДАР НЕГОТИНАЦ только что побывали в Анголе.

Вот уже год как Народное движение (МПЛА) ведет упорную борьбу со ставленниками империализма в Анголе. Сейчас на улицах ее столицы Луанды относительно спокойно, но в ста километрах к югу, северу и востоку ежедневно идут кровавые бои. Почти каждый пятый житель столицы носит пятнистую форму десантников, и каждый третий, одетый в военную форму, имеет оружие.

Здесь, в Луанде, 9 ноября прошлого года был спущен с флагштока португальский флаг — символ почти 500-летнего господства португальских колонизаторов — и была провозглашена независимая Народная Республика Ангола. За три дня до этого события была отражена последняя, отчаянная попытка предателей и наемников прорваться в город, в котором они зверствовали вплоть до июля 1975 года.

Мы приехали в Луанду и своими глазами увидели следы кровавых преступлений. Нам показали «Каза ду Пово» — «Дом народа», как цинично назвали «правители» Анголы каземат, укрываясь за стенами которого они вершили судьбы страны.

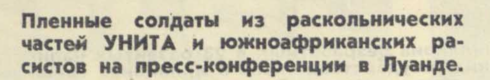
Преступники поспешно пытались скрыть содеянное, но фотодокументы обличают: из канализа-

Поверженные флаги УНИТА и ФНЛА в Кармоне.

Пленные солдаты из раскольнических частей УНИТА и южноафриканских расистов на пресс-конференции в Луанде.

Часть оружия, захваченного у врагов в боях.

Солдаты патриотических сил вывозят беженцев.

ОВОР ПРОТИВ АНГОЛЫ

ционных тоннелей вынимают сотни трупов, раскапывают рвы, наполненные обгоревшими скелетами. В развалинах этого «Дома народа» и сейчас еще пахнет смертью: мы видели орудия пыток — кресла со снятой обшивкой и оголенными пружинами, к которым подключен ток высокого напряжения. Ветер, гуляя по опустевшим комнатам, принес к нашим ногам спутанные пряди обгоревших человеческих волос...

Четвертого февраля исполняется 15 лет с того дня, когда прорвался народный гнев и началось восстание против португальских колонизаторов. С этого дня вокруг Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА) сплотились десятки и тысячи, сотни тысяч борцов за свободу. Многие из них погибли на этом пути, но народные вооруженные силы одержали победу. В городе Алвор представители португальских колониальных властей вынуждены были в январе прошлого года принимать как равных представителей патриотического движения Анголы. Речь шла о предоставлении независимости этой африканской стране. Но тут в борьбу вступили другие силы, те, кто стремился воспрепятствовать рождению нового, свободного африканского государства. Ангола с ее богатейшими месторождениями алмазов, нефти, железа и меди была для международных империалистических кругов слишком лакомым кусочком, и со всех сторон устремились сюда «душеспасители», «советники», «друзья». Они везли в своих чемоданах образцы самого современного оружия и пачки денег. Их девиз был стар как мир: разделяй и властвуй! Среди предателей народа они нашли себе оловянных солдатиков. Один из них — Холден Роберто, 53-летний воспитанник английской миссии, фанатичный поклонник фашизма. Еще десять лет назад он «прославился» резней, которую устроили его последователи из Национального фронта освобождения Анголы (ФНЛА) среди жителей нескольких поселений на севере страны. Он призвал на помощь в борьбе против своего народа армию своего зятя и президента Заира — Мобуту. Второй предатель ангольского народа — главарь так называемого Национального союза за полное освобождение Анголы (УНИТА) — недоучившийся фельдшер Жонас Савимби, который решил сделать ставку на помощь расистского режима ЮАР. И хотя на первый взгляд их политические физиономии различны, оба они быстро нашли общий язык, объединившись в борьбе против единственного законного представителя ангольского народа — МПЛА.

Нам посчастливилось встретиться и познакомиться с человеком, которого называют здесь символом непримиримости Анголы в борьбе с врагами. Его имя Агостиньо Нето. Первый президент Народной Республики Ангола и председатель МПЛА, врач по образованию, талантливейший поэт, Нето тридцать лет из своей 53-летней жизни отдал делу борьбы за свободу народа.

Мы оказались в дни нашего пребывания в Анголе свидетелями больших побед, одержанных над интервентами частями национальной армии и МПЛА на севере страны. Побывав в освобожденных городах, мы имели возможность убедиться в огромной популярности и поддержке, которой пользуется Народное движение за освобождение Анголы.

— Да, это так,— сказал товарищ Нето,— мы успешно проводим на севере наступление и нанесли ФНЛА удары, от которых им будет трудно оправиться. Безусловно, еще существует сопротивление, но силы врагов сейчас деморализованы. Разумеется, наши военные успехи — это прежде всего результат народной поддержки. В этом наша главная сила. Но южная часть страны все еще оккупирована войсками ЮАР, опирающимися на предателей из УНИТА. Мы надеемся, что, покончив с неприятелем на севере, сможем более активно действовать на юге.

— Наша страна только освобождается от колониализма. Уходя, колонизаторы сознательно уничтожили все, что смогли, и мы переживаем сейчас серьезный спад производства,— рассказывал Агостиньо Нето.— Бывшие хозяева отозвали своих специалистов и вывезли почти все оборудование, необходимое для промышленности и сельского хозяйства. К тому же некоторые западные государства прекратили кредитование: их корабли увозят даже то, за что мы уже сполна заплатили.

Что же касается политического аспекта, то Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА) укрепилось как ведущая сила не только в боях, но и в управлении государством. Мы хотим создать у себя подлинно народную власть. Очевидно, для этого потребуется провести национализацию средств производства. Мы сделаем это, чтобы осуществить давнюю мечту нашего народа о свободной, независимой Анголе, в которой будет навсегда уничтожена эксплуатация человека человеком.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

СДЕЛАТЬ РАЗРЯДКУ НЕОБРАТИМОЙ!

Владимир НИКОЛАЕВ

Человечество вступило в последнюю четверть двадцатого века под знаком разрядки международной напряженности. Это — новое международное и социально-политическое явление, его ни с чем в прошлом не сравнить. Влияние миролюбивых, антивоенных тенденций на все происходящее обрело реальную силу. После общеевропейского совещания в Хельсинки наступил новый этап разрядки. В Заключительном акте этого исторического форума нашла свое выражение политическая разрядка напряженности, теперь дело за тем, чтобы она дополнялась разрядкой в военной области, стала необратимой.

На этом пути много сложных задач. Одна из них — выработка нового долгосрочного соглашения между СССР и США по ограничению стратегических наступательных вооружений на основе договоренности, достигнутой при встрече Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и президента США Дж. Форда во Владивостоке в ноябре 1974 года. Рассмотрению конкретных вопросов, связанных с этой проблемой, было уделено особое внимание на состоявшихся 20—23 января в Москве переговорах Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с государственным секретарем США Генри А. Киссинджером. В ходе советско-американского диалога по ряду из этих вопросов был достигнут прогресс, и было условлено, что будут продолжены переговоры с целью нахождения взаимоприемлемых решений по остающимся вопросам.

Велико внимание мировой общественности к этим переговорам. Их не случайно называют «диалогом об основных вопросах разрядки». Оживленно комментируя советско-американскую встречу в Москве, пресса отмечает, что обе стороны согласны в том, что курс на дальнейшее укрепление и развитие отношений между СССР и США отвечает интересам обеих стран и является существенным фактором в деле разрядки напряженности и укрепления мира. Как заявил Г. Киссинджер на пресс-конференции в Брюсселе, в результате бесед в Москве у него сложилось впечатление, что советские руководители стремятся продолжать и развивать политику разрядки.

Во время той же встречи в Москве обе стороны рассмотрели положение дел на переговорах в Вене о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, имея при этом в виду задачу содействия прогрессу на этих переговорах. Вот уже более двух лет диалог на эту тему идет между представителями государств Варшавского Договора и стран НАТО. Идет речь опять-таки о военной разрядке, которая может и должна стать необходимым дополнением разрядки политической, придать ей необратимый характер.

Как и в вопросе об ограничении стратегических вооружений, здесь, при решении европейских проблем, немало сложностей. Военная разрядка в Европе — понятие широкое и комплексное. Ее достижение зависит от многих факторов. Но она жизненно необходима на континенте, перенесшем трагедию двух мировых войн.

К сожалению, процесс разрядки наталкивается на сопротивление сил, для которых климат времен «холодной войны» был более подходящим. На днях стратеги НАТО обсуждали, например, вопросы «применения ядерного оружия в конфликтных ситуациях». На днях же лидер консервативной партии Англии М. Тэтчер пыталась запугать своих соотечественников давно уцененными мифами о «советской угрозе» и «стремлении Советского Союза к мировому господству». Оголтелую антисоветскую кампанию ведет маоистское руководство Китая, обрушиваясь прежде всего на мирную инициативу Советского Союза.

Враги разрядки явно отстали от жизни. В этом смысле очень характерны результаты одного из последних опросов общественного мнения в США, опубликованные в газете «Нью-Йорк пост»: около двух третей американцев высказываются за продолжение сотрудничества с Советским Союзом.

На встрече с избирателями 13 июня 1975 года товарищ Л. И. Брежнев говорил: «Разрядка международной напряженности стала возможной потому, что на мировой арене установилось новое соотношение сил. Теперь уже руководители буржуазного мира не могут всерьез рассчитывать решить исторический спор между капитализмом и социализмом силой оружия. Все более очевидными становятся бессмысленность и крайняя опасность дальнейшего накаливания атмосферы в условиях, когда обе стороны располагают оружием колоссальной разрушительной силы».

Да, разрядка напряженности стала фактом, реальной силой современности. Программа мира, выдвинутая XXIV съездом КПСС, и ее успешное претворение в жизнь вносят решающий вклад в благотворный процесс разрядки.

1.

Это узники концентрационного лагеря Чакабуко на севере Чили. После фашистского переворота в стране царит произвол и насилие. Земля чилийского народа покрылась сетью тюрем и концентрационных лагерей, построенных по образцу гитлеровских. По сообщениям печати, аресты и пытки заключенных остаются повседневной практикой.

2.

«Сколько веревочке ни виться, конец будет»,— примерно так можно перевести пословицу, которой снабдили подписи к этому снимку многие американские издания. И действительно, бывший греческий диктатор Пападопулос и его правая рука — шеф полиции Иоаннидис понесли наказание. Суд приговорил Пападопулоса к 25 годам тюрьмы, а Иоаннидиса — к пожизненному заключению.

3.

Южнокорейский режим Пак Чжон Хи, прибегая к надуманному и фальшивому лозунгу защиты от «опасности с Севера», сохраняет военное положение в стране в целях подавления протеста и демократических свобод. По данным зарубежных информационных агентств, в Южной Корее содержится под ружьем свыше полумиллиона человек. В армию призываются даже женщины.

4.

Самый крупный в мире танкер «Ниссей Мару» водоизмещением 484 700 тонн сразу же после передачи заказчику был поставлен на прикол в порту Куре. Японская судоходная компания «Токио танкер» при подписании контракта на строительство «Ниссей Мару» намеревалась использовать его для перевозки нефти из Персидского залива в Японию. Однако в результате экономического спада в капиталистических странах перевозки нефти сократились и, как следствие, потребности в танкерном флоте резко уменьшились.

5.

Израильские власти продолжают политику террора и насилия в отношении арабского населения оккупированных территорий.

На снимке: обыск в такси, везущих арабских граждан в Иерусалим.

6.

Из 17,5 миллиона безработных в 23 развитых капиталистических государствах около 8 миллионов «лишних людей» приходится на Соединенные Штаты. В надежде получить место сотни тысяч людей круглосуточно дежурят на биржах труда.

7.

Неизвестные ранее рисунки великого итальянского скульптора и художника эпохи Возрождения Микеланджело обнаружены в церкви Сан-Лоренцо во Флоренции. Сенсационная находка была сделана в одном из полуподвальных помещений церковной ризницы. Сняв со стен толстый слой штукатурки, реставраторы обнаружили на них рисунки, изображающие мужчину (на снимке) и двух летящих ангелов, а также другие наброски. По мнению специалистов, рисунки в церкви Сан-Лоренцо были сделаны в период между 1520—1534 годами, когда Микеланджело работал над сооружением Капеллы Медичи.

8.

Эта новинка, зеркало для автомобиля в форме шара, сконструированная в Баварии, была продемонстрирована недавно на международной выставке изобретений в Нюрнберге (ФРГ).

Фото ТАСС

1.

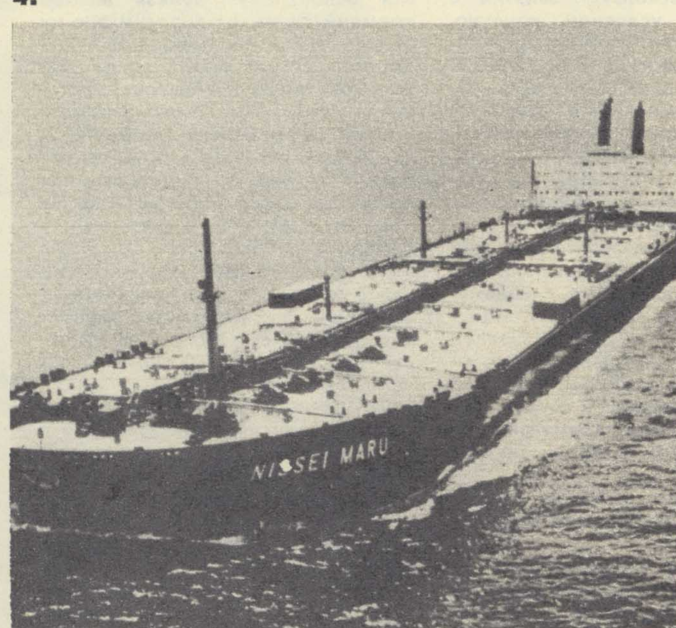

2.

3.

4.

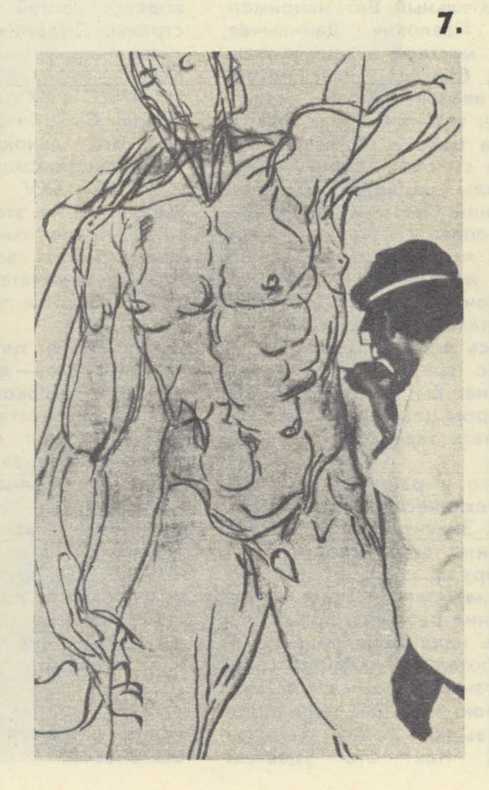

5.

6.

7.

8.

СНОВА — ВСТРЕЧНЫЙ

Михаил АЛЕКСАНДРОВ
Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Две женщины разговаривают в маленькой комнате парткома Яковлевского льнокомбината. Чем-то они похожи: обе быстроглазые, с открытыми лицами, красивые той спокойной, доброй красотой, которая присуща женщинам этого рабочего Ивановского края.

Если послушать их со стороны, можно подумать: вот встретились соседки-хозяюшки, чтобы поговорить о своем житье-бытье, поделиться новостями и заботами.

— Ты эту неделю работаешь в ночную смену, Аля?

— В ночную. Очень кстати. Знаете, сколько домашних дел накопилось? Ведь как у нас бывает: отложишь что-нибудь на завтра, а завтра одно за другое цепляется, смотришь — опять ничего не успела. Сегодня буду в обкоме партии, так уж заодно выберу время — забегу на примерку в ателье.

— Игорек учится хорошо?

— Нормально... С ним теперь какие заботы: взрослый мужчина, сознательный — одиннадцать лет.

Потом у них заходит речь совсем о другом. Но все в том же тоне простой, откровенной, дружеской беседы. Секретарь партийного комитета Мария Прохоровна Бурмистрова расспрашивает молодую ткачиху-коммунистку, как идут дела с выполнением ее предсъездовского обязательства: тридцать две тысячи метров сверх плана — это ведь поработать надо... Слово, данное Героем Социалистического Труда Алевтиной Смирновой, оно ведь на всю страну.

— Справишься, Аля?

— Справлюсь. Какой может быть разговор, раз слово дала! Мне бы только на недельку-другую учебу отложить, а после съезда я быстро наверстаю. Как вы думаете, Мария Прохоровна, можно это сделать?

Мария Прохоровна полагает, что большой беды не будет, если сейчас, в такие горячие и ответственные предсъездовские дни, Аля пропустит несколько занятий в партшколе, с условием, конечно, что все действительно будет наверстано в самое короткое время. В последнем, впрочем, она ни на минуту не сомневается — напоминать не придется. Уж кто другой, а она, секретарь парткома, достаточно хорошо знает характер коммунистки Алевтины Смирновой — зачинателя патриотического движения новаторов в текстильной промышленности за выполнение двух пятилетних планов с наивысшим качеством продукции.

Закономерно, что такой боевой характер сформировался у молодой ткачихи в рабочей среде. В атмосфере уважения к труду-творчеству, уважения к своему рабочему месту росла молодая ткачиха Аля.

— Отчего вы выбрали именно эту профессию, Алевтина Валентиновна?

— По-моему, иначе и быть не могло,— ответила она.— Здесь, в Приволжске, я училась в школе-десятилетке, и мы ходили на практику на комбинат. В наших местах, кажется, сам воздух пропитан этой профессией. А главное — народ у нас замечательный. Вот, например, Владимир Павлович Данилычев, помощник мастера в нашем ткацком цехе, бригадир наш, потомственный ивановский ткач, отличный знаток техники. Много лет он работает в цехе и, пожалуй, сам уж сбился со счета, сколько внес за эти годы рационализаторских предложений. Счастьем своим считаю, что попала к нему. Не говоря уж о том, что станки мои всегда в полном порядке, он постоянно готов помочь и делом и советом. Впрочем, такая товарищеская помощь здесь вообще закон.

— У вас среднее техническое образование. Вы могли бы работать мастером цеха. Отчего же пошли работать ткачихой, встали за станок?

— Оттого и работаю ткачихой, что есть техническое среднее образование. Значит, можно легче и полнее понять возможности и резервы оборудования, продумать и выбрать наиболее рациональное планирование рабочего времени и выработать наилучшие приемы. Я сейчас работаю на двадцати семи ткацких станках. Это много. Продукцию свою — ткань для полотенец — выдаю только высшим качеством. Как это удается? Стараюсь предупредить возможные простои того или другого станка, свести к минимуму обрывность нитей, заранее осматривая основу. Тут нельзя жалеть времени, сколь бы дорогим оно ни было. Я ведь понимаю, что высокая производительность труда должна сочетаться и с высоким качеством продукции. Около двадцати процентов рабочего времени я трачу, как показал хронометраж рабочего дня, на профилактику состояния основы. Это немало. Но вот результат: если в среднем допускается обрывность нитей на метр ткани восемь десятых процента, то у меня этот показатель — одна десятая. При этом коэффициент полезного действия оборудования 0,982 вместо 0,786, установленных нормативами.

Слушаешь рассказ молодой ивановской ткачихи, вдумываешься в ее конкретные инженерные и экономические расчеты и понимаешь: вот он перед тобой — современный рабочий человек, новатор, воспитанный эпохой научно-технической революции, штурмующий новые, начертанные партией рубежи.

В последние дни девятой пятилетки здесь, в текстильном Ивановском крае, происходил всесоюзный слет передовиков производства легкой промышленности страны. Подводились итоги, обсуждались и намечались новые задачи, вытекающие из проекта ЦК КПСС к XXV съезду.

Аля Смирнова, ткачиха Яковлевского льнокомбината, Герой Социалистического Труда, делегат XXIV и XXV съездов партии, выступила на этом слете первой, сразу после министра. Конечно, она немного волновалась: ведь сколько замечательных людей слушало ее в этом переполненном зале.

— Десятая пятилетка,— говорила Смирнова,— должна стать пятилеткой высокой эффективности, высокого качества. Как коммунист чувствую себя ответственной за решение этой задачи. Вновь принимаю встречный план — выполнить за годы десятой пятилетки два личных пятилетних задания.

Слушали ее внимательно. А потом одна за другой поднимались на трибуну и поддерживали призыв Алевтины Смирновой, ткачихи из городка Приволжска, что близ Иванова.

Точны и чутки руки Алевтины Смирновой. ▶

Подруги-ткачихи комсомолка Вера Ильичева и коммунистка Валентина Ворonченко, ударники коммунистического труда.

Партактив района обсуждает проект ЦК КПСС к XXV съезду партии. Внимательно слушает докладчика член бюро райкома Алевтина Смирнова.

Мастер цеха Иван Иванович Набродов — советчик, наставник и друг ткачих.

ДЕЛЕГАТ XXV СЪЕЗДА КПСС

ЧЕЛОВЕК БЕЗ СЕКРЕТОВ

Г. СМЕТАНИНА
Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Как измерить жизнь? Прожитыми годами? Или тем, что успел создать, отдать людям?

Тридцать лет и три года Юрий Владимирович Седов работает токарем по металлу в одном и том же цехе завода «Пензмаш». Если собрать все выполненные им за это время годовые нормы, их получится почти сто! Целый век, отданный производству человеком, которому всего сорок восемь лет.

В последнем месяце 1975 года Юрий Владимирович вступал в год 1981-й, выполнив два личных пятилетних задания. К открытию XXV съезда КПСС коммунист Седов взял обязательства завершить свой полугодовой план и помочь своему ученику Мише Хатееву поднять производительность труда на тридцать процентов.

Седовы всегда были правофланговыми: отец — из числа двадцатипятитысячников, в тридцатые годы — председатель одного из первых колхозов, а позже — директор завода; старший брат, Александр, на пять лет старше Юрия, служил перед войной в погранвойсках, считался одним из лучших ворошиловских стрелков. За два дня до войны пришла от него из Бреста последняя весточка... Еще один брат, Виктор, и сестра тоже ушли на фронт. А Юрия не взяли—ему было всего тринадцать лет! Поступил в ремесленное училище, изучал слесарное дело, а тянуло больше к токарным станкам. Время было военное, суровое, тринадцати-четырнадцатилетние подростки работали с большой ответственностью. В них верили. Сначала Юрий вытачивал гайки да болты, потом пошли детали посложнее. Работал сосредоточенно, присматривался к приемам старших. После окончания училища оставили его там же, где проходил практику,— в пятом цехе. Юрию присвоили четвертый разряд и доверили новенький станок.

На заводе тогда делали минометы. Когда кадровые рабочие стали брать высокие обязательства, решился и Юрий, сказал, что будет давать за смену не меньше ста семидесяти процентов. Вот с тех пор он и держит высокие темпы. Не всегда и не все шло гладко. Но Седов старательно учился. А потом и сам стал учить, создал на родном заводе школу по изучению скоростных методов резания металла. Приглашали его и в другие города, на разные заводы, и к нему приезжали — опыт перенимать.

Случались дни, когда, использовав собственные новшества, Юрию Владимировичу удавалось выполнить до двадцати норм за смену! У него появилось много последователей.

Пятую пятилетку токарь Седов ознаменовал выполнением двадцати годовых норм! За успешный труд в восьмой пятилетке весной 1971 года Юрий Владимирович Седов был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Когда разговариваешь с ним, тебя покоряет та удивительная прямота, которая бывает только у сильных, много переживших людей. Трудностей своих он не утаивает, секретов в работе у него нет: используй полностью резервы станка и инструмента, береги время. Счет времени Седов ведет на секунды: ни одного лишнего движения. Детали, инструмент — под рукой, резцы всех калибров и назначений — в ближних ящиках шкафчика, то, что не требуется сейчас,— в дальнем. Все приспособления в идеальном порядке, все заранее припасено. Никуда не надо ходить, ничего не надо искать. Да и сам рабочий процесс всегда продумывает так, чтобы деталь по два-три раза на станок не устанавливать, а постараться обработать в один прием.

— В нашем деле надо быть спокойным,— говорит Юрий Владимирович,— не спешить, но уплотнять свой день, чтобы ни минуты простоя. Большинство наших рабочих придерживаются этого принципа, но попадаются и такие, кого еще приходится учить, а точнее сказать, воспитывать. На днях умываюсь после смены, подходит ко мне один «деятель» и, пошатываясь, не очень четко произносит: «Через такого, как ты, нам нормы увеличивают!» Посмотрел я на него — не в себе человек — и ответил: «Сегодня я ничего тебе не скажу, не дойдет до тебя, а в понедельник побеседуем».

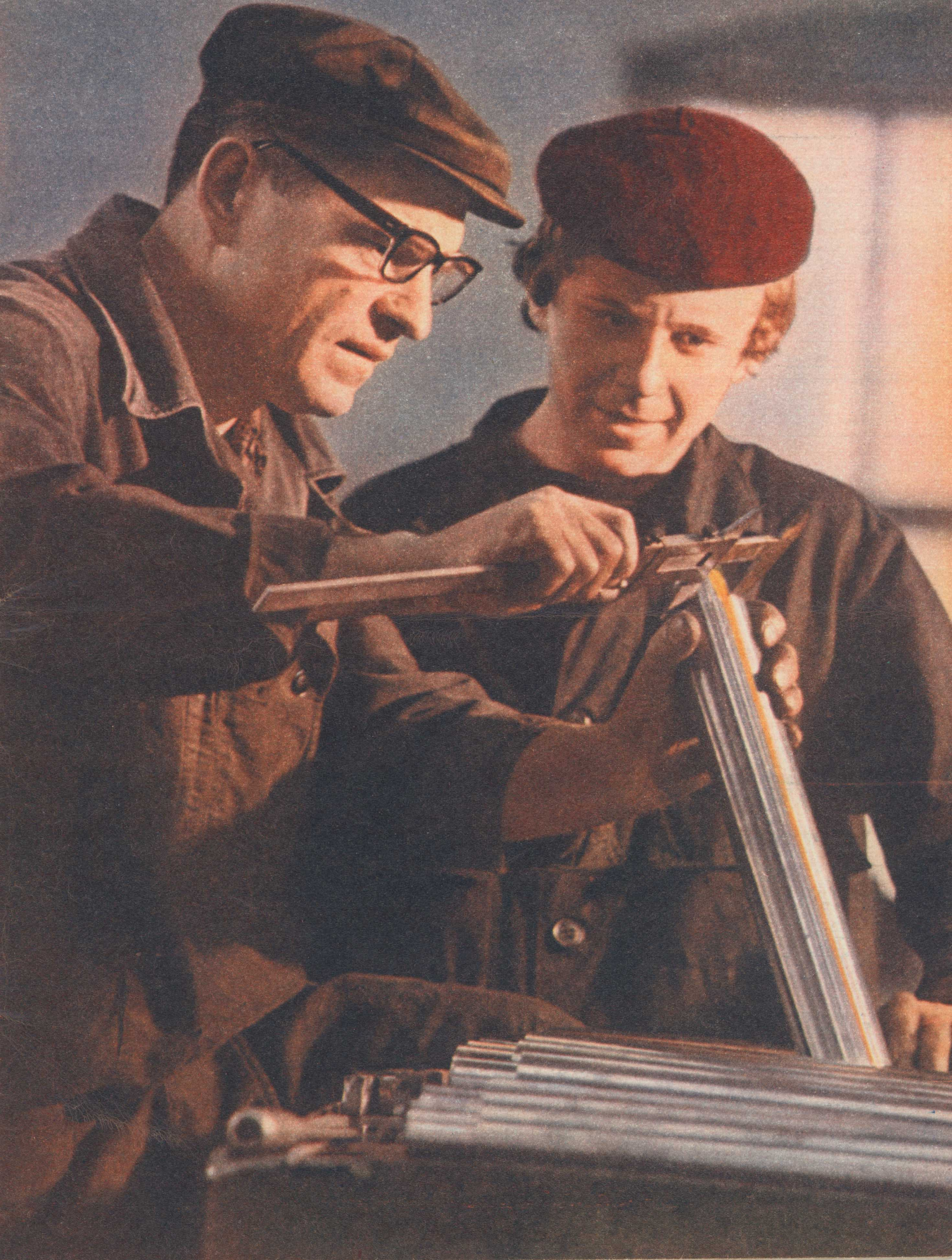
— И что было в понедельник?

— Встретил я его и сказал: «Еще раз это повторишь, язык к пятке молотком прибью». Извинялся он. Редко, но бывает такое!.. На целых два дня настроение он мне испортил! Есть же люди с плохой завистью, кабы хорошая она у него была, научился бы работать! Дело же не в резцах и не в станке, а в человеке. Станок надо чувствовать, как пианист свой инструмент. Я всем нутром ход станка ощущаю... А от этого и настроение твое зависит и отношение к тебе, да и заработок, конечно. Иногда, например, делаю я деталь, которая стоит двадцать три копейки. А на другом заводе, скажем, идет деталь, за которую семьдесят копеек платят. Там на ней зарабатывают семь рублей в смену, а я на своей — двадцатитрехкопеечной — двенадцать рублей. Когда прослышат — не верят. Приглашают меня к себе, и я на их станке, их же инструментом доказываю, что можно работать иначе. Короче говоря, надо любить свою профессию, интересоваться ею,— продолжает Юрий Владимирович.— Вот был у меня ученик Витя Васин, он и сейчас на нашем заводе работает — так сразу во все въедался, никогда не постесняется расспросить. Отличным токарем стал. Или Анатолий Стрельников—тот просто влюблен в технику. Когда ни посмотришь, всегда с железками! То гидросани соорудит, то моторную лодку. Да, лодку он такую сделал, что на всей Суре никто его догнать не мог. Из-за скорости ему даже ездить на ней запретили! В каком-нибудь техническом журнале отыщет что-то интересное и начинает рассчитывать, чертить, конструировать и обязательно сделает интересующую его вещь...

Мне подумалось, что Юрий Владимирович не случайно завершил нашу беседу добрыми словами о своих учениках. В этом ответ на вопрос, чем измерять жизнь. И именно потому, что коммунист Седов отдает людям все богатства своей души, и избрали его, бессменного члена парткома завода, делегатом на XXV съезд партии.

■

Делегат XXV съезда КПСС, Герой Социалистического Труда, токарь завода «Пензмаш» Юрий Владимирович Седов и его ученик комсомолец Николай Трепкин.

А. Пантелеев. Род. 1932. ХИМЗАВОД. Часть триптиха. ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ РИТМЫ. 1974.

Анатолий ПАРПАРА

Гроздья рябины

УТРЕННИЙ ГОРОД

Пробудившийся город
Потянулся.
Зевнул.
Улыбнулся июньскому солнцу радушно.
Створки окон толкнул,
и послышался дружный
нарастающий звон,
нарастающий гул.
Синь вспорхнула в зенит,
и запела листва,
вырос белый фонтан
в сквере, солнцем пронизан,
загульгулькали птицы
на старых карнизах,
утверждая на жизнь
свои птичьи права.
Люди, здравствуйте!
Чистые вы ото сна,
так свежи,
как листва от июньского ливня!
Со счастливыми вами
бываю счастливей,
с вами — радость,
и мне эта радость нужна!
В этом мире,
где место и злу и добру,
долг поэта —
вести только в сторону света.
И, любя и по-детски и мудро планету,
вспоминайте почаще
себя поутру.

РЯБИНА ПОБЕДЫ

Может, кого-то, и небеспричинно,
Насторожит,
если я назову
Красные гроздья осенней рябины
Красным салютом, что мчит в синеву.
Это сравненье сорвалось невольно,
Но не назвать я его не могу:
Красные ягоды — зрелости зерна,
Красная песня на синем снегу.
Красная краска — цвет памяти сердца!
Кровь и пожары смоленской земли
Так опалили военное детство,
Что обесцветить года не смогли.
Как мы салюты Победы любили!
И называли —
я не солгу! —
Красными гроздьями спелой рябины
Красные взрывы на белом снегу.
Но, не замкнувшись в виденьях суровых,
Мне понимать было сердцем дано:
Красная девица, красное слово,
Красная площадь — в значенье красно.
Как понимаете, небеспричинно
С давнего детства теперь я зову
Красные гроздья осенней рябины
Красным салютом, что мчит в синеву.

ПСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ

Ветрами отшлифован известняк.
В бойницы смотрит небо голубое.
Сюда не раз попасть пытался враг,
но гибелью грозило поле боя.

Мой умный предок, зодчий и стратег,
умел поставить волю против воли.
Который век,
уже который век
о кремль Псковы,
как волны, бьются войны!
Но он умел, оратай и боец,
своими заскорузлыми руками
на фоне башен серых и бойниц
такую лепоту создать из камня,
что я смотрю,
восторга не тая,
и славлю лебедь белую кремля,
взметнувшуюся мощно
над веками,
беззвучными от немоты словами.

●

Звездной ночи июльская тайна
Не таится в глухом сосняке,
А разлита она не случайно
По деревне на том бугорке.
В золотистом свеченье фонарном
Полыхнет то рубином рябин,
То взовьется в полете прощальном
Белой церковью в синей глуби.
То рассыплется девичьим смехом,
То мелькнет загорелой рукой,
То обрадует милой утехой,
То в сердечный введет непокой.
То пахнет вдруг живицей прохлады
И вольет в тебя новую мощь...
А бессонное пенье цикады
Окаймляет мелодией ночь.
И воздашь ей хвалу величальну,
Но вздохнешь, говоря: «Исполать!..»
Хоть вникает душа в эту тайну,
А бессильна ее передать!

●

Апрель.
Но блестит алюминий пруда.
И все же весна все свое наверстает.
Смотри,
как наглядно уже проступает
коричневым кантом скупая вода!

НОЧЬ В ФИЛЯХ

Листва шепталась тайно о своем.
Дом-новостройка скупо освещался.
И дождь топтался под моим окном.
Не уходил.
И стукнуть не решался.
И было в этой гулкой тишине,
в шептании, топтании
такое
спокойствие, не даденное мне,
что я обрел желание покоя.
И сквозь листвы узорчатую тень
еще неразличимым силуэтом
я видел,
как вплывает новый день
на лодке молчаливого рассвета.

БОРТПРОВОДНИЦА

Ф. БАКШЕЕВОЙ

Как будто бы по кромке небосклона,
Собою ослепляя небосвод,
Бортпроводница Фая по салону
К нам лебединым обликом плывет.
Буровики,
монтажники,
прорабы —
Суровый и решительный народ —
Невольно простонали:
«Ай да баба!
И где таких берет Аэрофлот!»
Один уже взмолился о свиданье,
Но резко соболиные крыла
Она взметнула.
И его признанье,
Как ниточку, легко оборвала.
И в этом заурядном из полетов,
Где, как всегда,
не до открытий нам,
Явился мне в нежданном повороте
Неироничный смысл «Шерше ля фам!»
«Ищите женщину!» —
так говорят французы.
И я подумал:
женщина для нас
Не просто мать, любимая,
но муза
И все святое в наш последний час.
И да простят мне критики
сравненье —
Когда в пути воздушном самолет,
Для слабых духом
ангелом спасенья
Бортпроводница юная плывет.

КРАСОТА

Когда ты в сутолоке буден
Проходишь мимо красоты,
Она, неброская,
не будит
Твои уснувшие мечты:
Твой взгляд скользнет
И не отыщет
Средь суетящихся людей.
Ее толкнув, не извинишься
По торопливости своей.
Но то, что лучше нас,
Что вправе
Нас презирать,
в конце концов
Однажды, сжалившись, проявит
Ее священное лицо.
И ты, забросив все заботы
О надвигающемся дне,
Вдруг вспомнишь солнечное что-то,
Не приходившее во сне.

И ЖИЗНЬ ПРАВА...

Как будто в рощах белых,
соловьи
На кладбище выводят песнь влюбленно,
И даже скорбь познавший
восхищенно
К ним тянет руки зябкие свои.
А там, как плод засушенный, легка,
Лежит старуха на гранитной глади,
И фото дочери устало гладит
Морщинистая, черная рука.
Я сам имею маленькую дочь!
И знаю: горе это безутешно.
Кладу цветы
и отхожу поспешно...
Мне больше нечем матери помочь.
Но замечает мой суровый взгляд:
Цыплятами проклюнулись листочки,
И мураши цепочкой рыжей с кочки
На кочку новую спешат.
И чувствую дыхание любви,
И сердце снова,
словно в двадцать, бьется.
И жизнь права, пока тебе поется,
Звучат слова и свищут соловьи!

Георгий **БЕРЕЗКО**

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

ПЯТАЯ ГЛАВА

— ...Снегирь обернулся на пороге и кивнул нам, простился... Он не был уверен, что вернется, наверное, так,— торопливо, под напором воспоминаний рассказывал Сведомский.— Будто воскресшие, все они здесь: Снегирь — изящный, интеллигентный!.. Ах, он, Снегирь! Мое раскаяние!.. Махов в разорванной тельняшке... Он стоял вот там, где чемоданы, ближе других к Снегирю,— большой, сильный!.. Вон там топтался Коротеев — босой... Позади него — Диомидов с этим своим чеховским пенсне. А там Батюшков...

Сведомский тыкал пальцем в разных направлениях, и Колоколов, невольно следуя его указке, поворачивался и переводил взгляд из пустоты в пустоту. Но Сведомский и впрямь, казалось, видел сейчас этих людей — в его глазах была сосредоточенность узнавания. И даже Колоколову в какое-то мгновение помстилось, что старый гостиничный номер вновь наполнился давнишними обитателями, вернувшимися из своего далека.

— Я говорил, что вел себя не по-геройски. Я выразился слишком мягко. Но не это важно — важно другое... Почему? — Сведомский уставился на Колоколова, хотя едва ли понимал в эту минуту, к кому он обращался.— Почему Снегирь решил, что я не смогу от них освободиться, ни через двадцать лет, никогда... А ведь он так и заявил мне: «...никогда не освободитесь!» Как он мог это предсказать? Снегирь! Студентик, мальчик!.. А я ведь, правда, не освободился... Потом Снегирь обернулся к нам, кивнул, и его увели.

Колоколов подался в кресле вперед, точно собирался ответить.

— Что?.. Вы хотите что-то сказать? — опередил его Сведомский.

— Никак нет! Что я могу вам?..

Сведомский поднялся, опираясь на край стола, и расслабленной походкой подошел к роялю, постоял над ним, как бы впервые его рассматривая, сел... И, раскинув руки, положил на клавиши свои бумажно-белые крупные пальцы с ровно остриженными ногтями.

— Музыка!..— глухим, недобрым голосом проговорил он.— Она все оправдывала... ради нее я готов был... душу дьяволу... Сколько труда, господи боже, труда, надежд! А ведь было время...

Он повернулся на вертящемся стуле к Колоколову.

— Мне за шестьдесят, жизнь, в сущности, прожита. Иногда мне казалось: еще одно усилие, и зазвучит небесная музыка! А сегодня я... я, как та ненасытная старуха. Рыбка хвостиком вильнула и уплыла...

Он задергался, пытаясь поднять со стула свое тело, и когда это ему удалось, он некоторое время молча, туповато смотрел перед собой. Что-то он все же разглядел: выражение растроганности выступило на его лице.

— Полинька... Она одна — один только добрый огонек оттуда — Полинька! Было многое, была слава! Да, так, Николай Николаевич!.. Все столицы мира, Европы, Америки! Слава! Этот обманный напиток, чем больше его пьешь, тем больше жаждешь. Полинька порадовалась бы, она так верила!.. А играть между тем я стал хуже,— проговорил без перехода Сведомский,— хуже, хуже!.. Плохо стал играть...

Он удивленно, испуганно взглянул, точно сам услышал это от кого-то другого.

— Знаете...— Сведомский вдруг пустился в объяснение.— Когда играешь, то как будто разговариваешь с публикой... о личном и не личном... По крайней мере так было... рассказываешь о сокровенном, о самом важном, делишься. И только поэтому тебя хорошо слушают. И только если тебе есть что сказать! Но наступает момент, когда тебе нечего... Ну решительно нечего... Должно быть так, а?

Он словно бы спрашивал у Колоколова подтверждения.

— И поэтому я удаляюсь — буду, как вы, Николай Николаевич, сажать гладиолусы. Но я не люблю цветов — вот в чем закавыка. Как же быть?.. А, Николай Николаевич?.. Пожалуй, начну учить молодежь...— И он разразился смехом, нарочито громким, крикливым.

— Тут я вам не советчик, Евгений Александрович! — холодновато сказал Колоколов.

— Да, так о чем мы? Поля, Полинька!..— Расслабленно волоча ноги, Сведомский вернулся к столу, сел и подпер голову рукой.— Как хорошо я помню эту столовую под сводами, где она кормила меня... ее пальчики в пятнах йода. Недавно... хотя нет, прошло уже лет десять, я видел ее во сне. Она шла по открытой равнине — легко так шла и будто в тумане. Но я сразу догадался — это она, Поля!.. Она улыбнулась мне и сказала: «Скрябин — не твой композитор. Я поняла это сегодня в концерте». А я действительно в тот вечер играл Скрябина...— Он понизил голос.— Можно подумать, она была в зале... Тишина какая! Который час?

— У нас рано ложатся.— Колоколов взглянул на часы, надетые на протез.— Без двадцати семи двенадцать.

— Мне давно уже полагалось быть в постели. Я не смогу завтра играть... И прекрасно! Билеты будут возвращены, концерт не состоится,— со странным удовлетворением сказал Сведомский.— И прекрасно!

— Признаю свою нетактичность, Евгений Александрович! — Колоколов в противоположность Сведомскому совсем протрезвел, и что-то жесткое, даже грубоватое появилось в нем.— Есть пословица: званый — гость, а незваного черт принес... Но попрошу вас... о том, с чем я пришел к вам... Как погибла Полина Короленко, при каких обстоятельствах?

— Как? — Сведомский словно бы сам задал этот вопрос себе.— А меня уже не было там, то есть здесь, когда всё: бунт, бой, побег — происходило. Не знаю, Николай Николаевич, не могу ничего определенного, к сожалению...

— Как же удалось освободиться лично вам? — спросил Колоколов.— Прошу прощения.

— Мне? В самом деле, как?..— Сведомский подивился.— Честно вам скажу: до сих пор не понимаю — мы потеряли уже всякую надежду. И вдруг, Deus ex machina, нам дают пропуска, и мы уходим — эти две женщины из слободы, этот профессор-археолог, а позднее, ночью, я... Поля что-то сказала мне, не помню уже... кажется, что пропуска были похищены. Я плохо уже соображал, я находился в таком состоянии... Павла Дмитриевна, матушка нашей директорши, ушла в убеждении, что нас спасли ее молитвы. Я склонен был ей поверить. Так по крайней мере это выглядело.

— Однако же никакие молитвы не помогли многим другим,— сказал Колоколов, он с новым, пристальным вниманием смотрел на Сведомского.

— О да!.. Это был кровавый кошмар. Когда я выбрался из гостиницы, на площади, по кругу, на фонарях качались повешенные. И над ними летали эти... как их?

— Вороны, Евгений Александрович!

— Вороны, конечно. И почему я не закачался там с другими? Судьба — только судьба... фатум.

Сведомский налил еще по рюмке себе и Колоколову.

— И прекрасно! Пусть не будет завтра концерта...— Он как-то чересчур настойчиво стремился внушить, что он доволен.— Бедный Борис Владимирович, ему придется хлопотно...

Колоколов медленно заговорил:

— В данном случае, Евгений Александрович, фатум, как вы изволили выразиться, явился к вам в образе Полины. Я полагаю, что мне удастся это вам разъяснить. Нет, пропуска не были похищены, Евгений Александрович!

— Но как же тогда? — рассеянно спросил Сведомский.

— А вот как... Я, видите ли, на следующий день после переворота повстречал в коридоре гостиницы Полину.

— Вы тоже ее здесь видели? А, ну да, ничего удивительного.

— Ее вели с допроса. Щеки ее горели, глаза... у меня нет таких слов... Она только блеснула на меня, уничтожающе посмотрела.

— Это на нее похоже! Она должна была презирать вас,— сказал Сведомский.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—4.

— Она презирала и ненавидела, я понял это...— твердым голосом сказал Колоколов.— И я тут же отправился к начальству. Надо было ее спасать. Замечу попутно, что к тому времени я был потрясен всем, что творилось в городе.

— Вы попытались ее спасти? Это благородно, я не знал... И что же, ваши хлопоты не имели успеха?

Темное от въевшегося навсегда загара лицо Колоколова замкнулось — он словно бы докладывал:

— Наоборот, увенчались полным успехом. А поспособствовало мне то обстоятельство, что комендант Владиславлев оказался моим земляком, каким-то даже дальним родственником. От красных он — вам это известно — переметнулся к белым. И то ли совесть проснулась в нем — бывает и такое с бандитами,— то ли он предвидел уже поворот фортуны, что вернее: бои шли в нескольких километрах от города,— он поручил мне связаться с предревкома Снегирем, неофициально, разумеется.

— И вы связались? Выходит, что же?.. Выходит, мы ва́м обязаны своим освобождением.— Сведомский нахмурился, это не обрадовало его почему-то.— В таком случае, примите и прочее.

— Никак нет, меньше всего я думал тогда об облегчении вашей участи, прошу прощения! Но Полина не должна была погибнуть. Я явился к Владиславлеву и доложил, что Короленко — моя невеста, что я ручаюсь за нее. И, по-видимому, Владиславлев решил наладить со Снегирем контакт. Уйти должны были не вы, Евгений Александрович, и не те, кто с вами ушел! Уйти должны были другие... Но тут и начинаются потемки, в которых я брожу.

Колоколов не сводил со Сведомского прямого, требовательного взгляда.

— Погодите-ка,— безотчетно подчинился Сведомский,— Аня сказала мне, что ей известно нечто такое... Ее тогда звали Аней, нашу директоршу. Но откуда она может знать?..— Он пожалел уже, что не умолчал об Ане.

— А что именно ей известно?—строго спросил Колоколов.

— Нечто такое... Может быть, от матери, от Павлы Дмитриевны,— словом, что всех нас спас тогда Снегирь? Не знаю, ничего не знаю.

— Это все, больше она ничего не добавила?

— Нет.

Чем дальше это расследование заходило, тем с большей тоской Сведомский противился ему. Что-то схороненное на самом дне его памяти всплывало сейчас на поверхность, и он как бы отворачивался инстинктивно, избегая неприятного зрелища.

— Возможно, конечно, Снегирь имел какое-то отношение...— сказал он.— Но едва ли он советовался с Аней или с ее матерью.

— Вы не позволите мне позвонить от вас Анне Тимофеевне? — попросил Колоколов.

— Пожалуйста, конечно! Хотя, наверно, она ушла уже.

— Попытка не пытка... Справляясь утром у Анны Тимофеевны о вашем приезде, я только сегодня узнал, что и она сидела тогда с вами. Редчайшее совпадение.

Колоколов прошагал к телефонному столику и, прижав ухом трубку к плечу, набрал уцелевшей рукой номер. Против ожидания Анна Тимофеевна все еще находилась в своем кабинете.

— Беспокоит полковник в отставке Колоколов,— отчеканил он.— Прошу прощения за поздний звонок... Так точно, ваш давний знакомый. Звоню от Евгения Александровича. Покорнейше просим, если не затруднит, подняться к нам... Да, если не затруднит... Благодарю.

Сведомский ловил все движения своего гостя, каждое его слово — он почувствовал себя попавшим в странную от него зависимость.

— Вы были правы, Николай Николаевич, тени преследуют нас,— пожаловался он.— Они проходят через стены... через годы. Это знал еще Бетховен, помните его Пятую... Это судьба... Неужели не помните?

— Никак нет.

Они оба умолкли, а в коридоре раздавался уже частый стук каблучков, точно судьба была обута в женские туфельки.

— Я по первому вашему зову...— Запыхавшаяся Анна Тимофеевна показалась в дверях.— Надеюсь, что ничего серьезного...

— О, ни в коей мере! Еще раз простите великодушно, что побеспокоили.— Сведомский встал, торопливо застегивая воротничок рубашки.

Колоколов придвинул к столу свободное кресло.

— Присядьте, Анна Тимофеевна!

Но она осталась стоять, встревоженно поглядывая то на одного, то на другого.

— Бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе... Просим принять участие в нашем вечере воспоминаний, Аня! — приподнятым тоном начал Сведомский.— Позвольте так называть вас, по старой памяти.

— Очень мило с вашей стороны! Я сама сегодня, как девчонка, переживала, ожидая вас. Потом вот товарищ Колоколов... И я сразу перенеслась в прошлое... Сколько всего было! — Она вздохнула, покивала, и высокая седая башенка на ее голове закачалась.

— Присядьте же... Может быть, рюмочку коньяку? — предложил Сведомский.

— О, что вы! — Анна Тимофеевна даже испугалась.— Так поздно, и в номере?..

Сведомский покосился на Колоколова и встретил тот же требовательный взгляд: отступать было уже нельзя, и он придал голосу непринужденную, чуть-чуть снисходительную интонацию:

— Поведайте, Аня, нам: вы действительно знаете что-то о нашем сидении здесь?.. Такое, что вы одна знаете? Вы сказали мне давеча...

Только теперь Анна Тимофеевна решилась сесть. И сквозь пудру на ее пухлых щеках проступил сизоватый румянец — она разволновалась.

— Сколько хороших людей мы схоронили! Одна я, видно, и осталась из тех, кто в том собрании участвовал.

— О каком собрании вы говорите? — вступил в разговор Колоколов.

Она бегло взглянула в его сторону и опять обратилась к Сведомскому:

— Я-то лично не участвовала в нем, но когда говорили, я все слышала... Не спала я. Очень тяжелая была у меня беременность. Я за водой встала — попить и забыла про воду: стояла и слушала. Конечно, это нехорошо подслушивать. Но я не жалею... Я, Евгений Александрович, с той ночи поумнела. Не знаю только, сумею ли я вам все передать...

...Анна Тимофеевна была из тех людей, что говорят о себе: «Как все, так и мы. Нам своих забот хватает». А в ту ночь в «Пальмире», когда не на что уже было надеяться, ей открылось совсем необыкновенное, решительно не отвечавшее ее представлениям о свойствах человеческой натуры. Потом в ее жизни было всякое, и радости, и горести, и множество разных трудных мелочей, поглощавших все душевные силы. Но воспоминание о человеческом чуде, к которому она по случайности прикоснулась, не только не угасло в ней, но с годами становилось все дороже и важнее.

ОТСТУПЛЕНИЕ В ПРОШЛОЕ. СНЕГИРЬ, ДИОМИДОВ И ДРУГИЕ

Было около полуночи. Горела единственная свеча в бронзовом подсвечнике с хрустальными подвесками. И когда чье-либо лицо попадало в этот тающий по краям шар света, становилось видно, что человек давно не спал, что он измучен, исхудал, оброс щетиной. А легкий шар света с остреньким язычком огня, заключенным в нем, колыхался от дыхания, и за спинами людей бесшумно шевелился мрак — огромные, слившиеся тени.

Дверь из «салона» во вторую комнату была плотно закрыта. А в «салоне» тесно, кто за столом, кто рядом, на придвинутых стульях, сидели: Снегирь, Батюшков, Махов, Камушкин, Коротеев, Поля Короленко... Она привычно доплела свою рассыпавшуюся косу и перекинула ее за спину.

— Времени у нас в обрез, товарищи! — тихим голосом начал Снегирь.— Это во-первых; во-вторых,— он кивнул на прикрытую опущенными портьерами дверь во вторую комнату,— там, может быть, еще не все уснули. Во всяком случае, напоминаю: мы здесь не одни. И еще: товарищ Коротеев, садись поближе к прихожей, приоткрой двери. Услышишь, к нам идут — подай знак... Песню запой, что ли...

— Какую? — громким шепотом спросил Коротеев.— Я городских не умею.

— Какую умеешь. Свечу гашу я — это будет сигналом: немедленно все по своим углам. Ну, я думаю, обойдемся на сей раз без президиума, председателя и секретаря...

Снегирь помолчал, пока Коротеев пересаживался к дверям в переднюю.

— Нам надо обсудить один вопрос... не соображу даже, как его лучше сформулировать. Всего точнее: о долге коммуниста-большевика,— сказал Снегирь.

Он достал из бокового кармана тужурки три узких листка плотной бумаги и невысоко помахал ими, показывая всем.

— Эти три листка — три пропуска... Подписаны изменником капитаном Владиславлевым и от его имени переданы мне. Три пропуска на выход отсюда, то есть на освобождение...

Он немного подождал — все молчали.

— Нам необходимо прежде всего решить: берем ли мы эти пропуска? — негромко спросил он.— Соглашаемся ли взять из рук изменника и палача? А затем если берем, то кто из нас получит их? Пропусков, повторяю, только три... Высказывайтесь, товарищи! У нас архимало времени.

В кресле задвигался Батюшков и подрагивающим голосом, выдававшим волнение, проговорил:

— Владиславлев добреньким сделался. С чего бы это он?

От дверей прозвучал жидкий тенорок Коротеева:

— Извиняюсь, товарищ председатель! Пропусков три, а нас здесь семеро партийных коммунистов. По арифметике не сходится.

Из темноты встала полосатая фигура Махова в тельняшке.

— Позволь поглядеть, председатель!

Снегирь передал пропуска, и Махов наклонился к огоньку свечи, заметавшемуся от его дыхания. Вслух он прочитал: «Начальнику караула. Предъявитель сего освобожден из-под стражи, что моей подписью и печатью удостоверяется. Комендант города Владиславлев». Сво-ло-чуга! — со вкусом, по слогам проговорил Махов.— А кто освобожден, неизвестно, фамилии нет. И глядите — печать: «Городская дума». Потеха!

Перевернув листок, он прочитал на обороте:

— «Счет. Получено за номер...» Ну, бандюги! За недостатком гербовой отстукали на простой.

— И верно: напечатано на бланке гостиничного счета. А фамилии, точно, не указано,— подтвердил Батюшков со странным для него оживлением.

Пропуска переходили из рук в руки. И в колыхавшемся свете сблизилось у свечи сразу несколько лиц. Долго вертел бумажки в толстых пальцах Диомидов, и огонь, бликуя на стеклах пенсне, словно бы ослеплял председателя трибунала. Лишь скользнул глазами по пропускам Камушкин; бегло посмотрев, возвратила их Снегирю Поля.

Снегирь разложил бумажки перед собой, каждую отдельно, как карты. Его веснушчатое лицо, с упавшими на лоб витками волос, с почти незаметной светлой небритостью на верхней губе, на подбородке, выглядело от худобы совсем юношеским.

— Также довожу до сведения,— вновь заговорил он,— в записке Владиславлева, которую прочитал мне его офицер, было сказано, что пропуска даны персонально мне и Батюшкову — в память о личном знакомстве. С чем мы себя и поздравляем. А еще — Полине Короленко, как женщине. Но, видимо, этот мерзавец нас провоцирует, хочет, чтобы мы передрались из-за его пропусков, потому-то и не проставил фамилий... По прочтении офицер уничтожил записку. Владиславлеву, как он объяснил, нежелательно, чтобы что-либо стало известно об их участии в нашем освобождении... У кого есть вопросы?

— Разрешите, — тотчас же раздался голос Диомидова.— Все это кажется мне довольно загадочным, товарищ Снегирь!

— Говорите, прошу.— Снегирь кивнул.

— Чем объяснить все же... Я буду говорить прямо, мы все здесь коммунисты. Чем объяснить, что пропуска даны только троим: вам, Батюшкову и Короленко? Я ничего пока не утверждаю...

— Я уже сказал: мы двое осчастливлены личным знакомством с Владиславлевым. Наша Поля получила пропуск как женщина. Других объяснений не было.

— Кто вызывал вас к себе?— словно к формальному допросу приступил Диомидов.

— Один из офицеров охраны, желторотый подпоручик, очень он нервничал, кстати сказать.

— Он и вручил вам пропуска?

— Он и вручил.

— Он и уничтожил записку Владиславлева? Зачем это ему понадобилось? Повторите, пожалуйста.— В манере Диомидова задавать вопросы, в их убыстрявшемся темпе чувствовался профессиональный навык.

Снегирь удивленно помедлил — и в их диалог, воспользовавшись паузой, ворвалась Поля; на ее освещенном снизу, по-ребячьи гладком лице прямо-таки сверкали глаза, с крохотно отразившимся в них удвоенным огоньком свечи.

— Прошу слова! Я сама поражена!..— в полный голос воскликнула она.— Ах, я забыла!..— И она хлопнула себя по губам, потом зашептала:— ...Сама поражена, что Владиславлев меня спасает и товарищей Снегиря и Батюшкова. И вы, товарищ Диомидов, совсем напрасно что-то подозреваете. Я тоже, как товарищ Снегирь, уверена, что Владиславлев со своими пропусками хочет посеять среди нас недоверие, раскол. Но нам нельзя... Мы не можем не доверять друг другу!

— Чистая душа! — донеслось от дверей, Коротеев не удержался.— У меня тоже вот девчушка твоих лет, Ленкой звать. Дикая еще, как лисенок, только читать-считать знает...

Снегирь легонько постучал согнутым пальцем по столу.

— Напоминаю о времени, товарищи! Вносите предложения... Кто просит слова?

Батюшков придвинулся ближе к свече.

— Дай мне — в порядке ведения.

И вдруг, будто думая вслух, заговорил Камушкин:

— «В порядке ведения», как на конференции. Каждую ночь во дворе убивают, а мы — «в порядке ведения».— Он тут же оборвал себя.— Простите, я... Я неважно себя чувствую.

— Я и хочу: нельзя так, с кондачка...— По голосу Батюшкова можно было догадаться, что ему, такому степенному и уверенному в себе, с трудом дается сейчас наружное хладнокровие, и, слушая его, Поля даже жмурилась от сочувствия.— Я что хочу: надо хорошенько подумать, а с кондачка как же можно?! Надо крепенько... Первое, что из души рвется,— сказать этому иуде Владиславлеву: подавись ты своими пропусками. Вот ведь провокатор: на всех — три пропуска! Думал, что мы перегрызешся... Но обратно если: пользы для революции не будет, когда мы эти пропуска не возьмем. Надо по-деловому — хочешь не хочешь...— И Батюшков на мгновение умолк, словно застыдился.— Предлагаю: пропуска использовать... Мы сохраним таким путем для дальнейшей борьбы трех борцов. Правильно я говорю?.. По второму пункту: надо крепенько подумать, как пропуска распределить. О себе говорить не стану, моя жизнь вся на виду.

— Повторяю, у нас нет времени, надо решать немедленно,— сказал Снегирь.

Внешне он был всего лишь сосредоточен и деловит, словно не отдавал себе отчета в том, что всем им сейчас предстояло... Пропуска на выход из этой окаянной «Пальмиры» являлись для тех, кто их получит, пропусками в жизнь, а их товарищей ждала виселица... А вот Снегирь, хотя и самый молодой в ревкоме, но и самый старший, теоретически «подкованный», облеченный доверием Москвы, прибывший сюда с мандатом ЦК партии, как будто не вполне понимал, о чем, собственно, шла речь!.. Да и в силах ли человеческих было, делая одно общее дело, идя в революционном походе плечо к плечу, решать со спокойной душой такой жестокий вопрос?!

Махов тяжело опустил кулак на стол, так, что огонек свечи подскочил,— и темные, безмолвные гиганты на стенах, на потолке будто всполошились.

— Чего тут думать?! — сказал он.— Думай — не думай, пропусков три, а нас семеро. Предлагаю жребий — святое дело. Билетики надеваем — и в шапку. Лотерея аллегри: кому направо, кому налево. А Поля, ангельская душа, будет те билетики тянуть.

Коротеев, привстав со стула, подал голос:

— Пропуск, даденный Поле, ей и надоть оставить. Молоденькая, жизни не видела, к тому же — девица. Пускай еще поживет, порадуется.

— Не возражаю, как представительнице прекрасного пола,— с ласковой хмуростью сказал Махов.— Она у нас еще бутон.

— Я протестую! — Поля вскочила и выпрямилась.— Вы тоже, товарищ Коротеев!.. При чем здесь мой пол?

Холодно и весомо прозвучал голос Диомидова:

— Прошу слова!

И опять очень искренно подивился Камушкин:

— Что?.. Как так можно — «прошу слова»!.. Простите! Я тоже прошу слова...

— В очередь, товарищ Камушкин,— сказал Снегирь.— Товарищ Коротеев, не забывай, ты на посту!

— Есть, председатель! Я слухаю...

Диомидов заговорил с холодной рассудительностью, как, должно быть, говорил на заседаниях трибунала:

— Продкомиссар Батюшков сказал, что пользы для рабочего класса не будет, если мы вернем Владиславлеву эти три пропуска, отвергнем милость врага. По зрелом размышлении, с Батюшковым нельзя не согласиться. В смертельной схватке с нашими заклятыми врагами мы обязаны использовать каждую возможность, даже в ущерб личной гордости. Во имя чего? Во имя победы революции! А следовательно: получить пропуска и уйти отсюда должны самые испытанные, закаленные бойцы. В чем, товарищи, ценность каждого человека? Ответ может быть только один: она измеряется мерой его участия в нашей борьбе. Предложение товарища Махова я считаю поэтому совершенно абсурдным. Что такое жребий? Это игра слепого случая, это фатализм...

— Покороче бы, товарищ Диомидов,— сказал Снегирь; его небольшие руки передвигали машинально по столу три узкие бумажки, перекладывали их, меняли местами, как в пасьянсе.— Офицер Владиславлева рекомендовал нам не мешкать. Перед рассветом он пришлет к нам солдата.

— Я заканчиваю...— Диомидов не изменил своего ровного голоса.— Пропуск, предназначавшийся вам, товарищ Снегирь, я нахожу возможным вам оставить. Не могу не признать в вас хорошего организатора, хотя мы и расходимся в вопросах тактики. Пропуск, предназначенный Батюшкову,— он взглянул на того,— я нахожу более целесообразным отдать Махову. Товарищ Махов молод, и в нем кипит беспощадная революционная энергия. О себе скажу коротко: я большевик с августа семнадцатого года. До этого состоял в организации анархистов-максималистов, участвовал в подготовке и выполнении терактов. Как председатель трибунала, карал белогвардейскую сволочь и ее пособников — спекулянтов и саботажников. Холост, семьи своей не имею, с отцом, протодьяконом из Мценска, порвал в ранней юности. Что еще о себе?.. Заранее подчиняюсь вашему партийному решению.

— Слово товарищу Камушкину! — сказал Снегирь.

Точно застигнутый врасплох, Камушкин рванулся со стула, встал и в первые мгновения лишь беззвучно пошевелил губами.

— Дело в том,— наконец выговорил он,— простите, я плохо себя чувствую.

— Ничего, ничего,— как бы даже просительно сказала Поля. — Мы все тоже ужасно волнуемся.

— Дело в том...— Камушкин обеими руками схватился за край стола.— Вы, наверно, думаете: Камушкин — трус, заячья душа, боится смерти. Но я... я боюсь того, что вы так думаете.

— А мы вовсе так не думаем, товарищ Камушкин!— сказала Поля.

— Хорошо, спасибо, барышня! Но вы тоже так думаете. А я... плюю на смерть. Я волнуюсь, верно!.. И я ничего не могу с собой поделать, это у нас семейное...— Слова как бы сами по себе срывались у него с языка.— В нашей семье все были нежизнеспособные... Мой младший брат умер отроком, тринадцати лет, от неизвестной болезни — ослабел и угас. Мой отец скончался в кабинете его превосходительства, начальника департамента, от разрыва сердца. Моя матушка...

Снегирь поднял руку, останавливая Камушкина, и тот страшно заторопился:

— Матушка не пережила смерти Алика, младшего моего брата... Ах, я понимаю, я все не о том! Я хочу только сказать, что я был единственным в губернском казначействе — заметьте, товарищи! — единственным чиновником, оставшимся у своего окошечка в ноябре семнадцатого. Я — коллежский регистратор Камушкин! И все наличные суммы и ценные бумаги я передал городскому Совету... И как я вас ждал, товарищи! Как я ненавидел этот мир унижения, бедности, низкопоклонства, всяческой мерзости, сановного хамства, чинопочитания!.. Какой был праздник, когда этот подлый мир стал разваливаться!

— Тише, Камушкин, тише!— Снегирь даже забеспокоился.— Мы верим вам.

— Виноват, заговорился...— Камушкин сконфузился и стал как будто ниже ростом, втянул голову в плечи.— Я согласен с товарищем Диомидовым. На волю пусть идут бойцы, которые довершат... А я какой боец?! Я чересчур поддаюсь впечатлениям — я сознаю. Виноват — это опять не относится... Я кончил.

Он отступил от стола в тень, но не сел.

— Поля, ты хочешь сказать?— спросил Снегирь.

— Да, я тоже целиком согласна,— ответила она, вставая.

— С кем?

Она одернула на себе армейскую, подпоясанную ремнем гимнастерку так, что круче под грубой тканью выпятились маленькие груди, и проговорила, словно бы сердито, с юной категоричностью; литые щечки ее блестели:

— Я тоже считаю — мы не должны поддаваться чувствам. Конечно, я еще только полгода в партии. И хотя мы все презираем предателя Владиславлева, это гимназическая романтика, мещанство — поддаваться чувствам. Я безусловно согласна с товарищем Диомидовым. И я еще согласна, что уйти должны самые лучшие, самые закаленные партийцы-большевики, наши руководители — товарищ Снегирь в первую очередь. А мою кандидатуру прошу снять! Вот и все!— Она умолкла как бы внезапно для самой себя.

От дверей шагнул с поднятой рукой Коротеев.

— Товарищ председатель, охота и мне!..

— Да. Только покороче,— разрешил Снегирь и вновь занялся перекладыванием на столе пропусков, видимо, это помогало ему сдерживать нетерпение.

Коротеев переминался с ноги на ногу, не смея удаляться от своего поста.

— Молодые поколения, ребятишки, девчата — и те за трудовой народ, за ленинскую правду на крест идут, на последнюю муку...— своим высоким тенором проговорил он.— Товарищи дорогие, братцы! Мысленное ли дело, чтобы помещики и буржуи, которых мы скинули со своего хребта, чтобы эта бешеная сука Антанта верх над нами взяла? Нет, товарищи дорогие, не будет этого!

— Коротеев, давай по существу!— негромко перебил его Снегирь.

— Изволь — по существу... Полиньке пропуск, во всяком разе, надоть оставить, как непримиримому бойцу и дивчине. К тому — жизни не видела. А там — смотрите.

И Коротеев вернулся к стулу у дверей.

— Голосуй, председатель! — решительно предложил Махов.— Я свое предложение насчет жребия снимаю, недодумал — признаю.

Снизу, из вестибюля гостиницы, дошел неровный шум, топот — происходила, вероятно, смена часовых; Коротеев открыл рот, собираясь запеть... Но вскоре все стихло, и Снегирь повернулся к товарищам; те, кто сидел ближе к нему, увидели на его лице неуместную улыбку.

— Я еще несколько слов...— Самый его голос, негромкий басок, привлекал внимание и заставлял слушать; говорил он, как обычно, легко, не затрудняясь подыскиванием слов.— Товарищ Диомидов прав в одном, важнейшем: у нас, большевиков, нет и не может быть другой цели, кроме скорейшей и окончательной победы пролетарской революции. Все, что спо-

собствует ей, приближает ее,— все добро́; все, что мешает, отдаляет,— зло. Это так... Но Диомидов дальше сказал: ценность человека измеряется мерой его участия в нашей борьбе. И я хочу спросить: а где гарантия от ошибки? Можете ли вы, товарищ Диомидов, сказать, кто больше необходим для нашего общего дела — сегодня, здесь, и завтра? Вы берете это на себя?

— Да, беру!— резко, с прорвавшейся неприязнью ответил Диомидов; ему вообще мало нравился Снегирь: и слишком молодой и слишком умничающий, «молодой, да ранний».— Беру на себя смелость сказать, кто нам больше нужен — и сегодня и завтра.

— Вы говорите так, точно мы обсуждаем выдвижение на ответственную работу.— Что-то усмешливое мелькнуло в глазах Снегиря.— Но речь у нас о праве людей на жизнь. И это право дано всем без изъятия, оно дано каждому самим фактом его рождения, независимо от цвета кожи, национальности, вероисповедания или от его талантов. Мы лишаем этого права только врагов человека — его убийц!.. И нам надо кончать, товарищи, надо немедленно решать! У коммунистов, правда, есть еще одно право — право всегда быть впереди, принимать на себя самое трудное. А поэтому я вношу такое предложение... Вместе с нами сидят здесь и ждут своей участи женщины — одна из них беременна — и семидесятилетний старик. Попали они сюда по недоразумению и так же по недоразумению могут погибнуть... Предлагаю эти три пропуска им и отдать — двум женщинам и старику профессору.

— Они же мирные жители — и только?— с несказанным удивлением отозвался со своего поста Коротеев.

Хмыкнул, будто откашлялся, Махов.

— Гляди, как повернул!.. Но, между прочим, я этого академика пощупал. Отсталый элемент, кроме своих скифских черепков, знать ничего не знает.— Он помедлил и добавил:— Я не об себе стараюсь.

Люди за столом зашевелились, и, как бы выражая то, что оставалось невысказанным, размашисто задвигались их обеспокоенные тени.

— Решительно и категорически возражаю!— сказал Диомидов тоном, в котором слышалось: «Тут ты весь и раскрылся...»

Камушкин со стоном пробормотал:

— Владиславлев — палач! Он выстраивает людей, отсчитывает пятерку и каждого пятого...

— Возможно, конечно, что эту беспартийную публику ожидает то же, что и нас. Возможно, с другой стороны, что им удастся освободиться без нашей помощи...— И ровный голос Диомидова дрогнул от негодования.— Кого вы хотите спасти?.. Профессор — личность аполитичная, он из тех, кто пытается отсидеться. И ему уже...

— Недолго осталось — вы это имеете в виду?— сказал Снегирь.— По книгам Колпакова училось несколько поколений...

— А-а... Может быть, и вы его ученик? Это кое-что объяснило бы.

— Нет, я математик — недоучившийся, к сожалению,— сказал Снегирь.— Надо прекращать прения, товарищи!

— Но мы ничего еще не решили... Я прошу дать мне высказаться, я требую в конце концов!— Диомидов помолчал, чтобы успокоить дыхание.— К черту ваши сантименты! И ваш гуманизм — гуманизм вообще!

— Я поддерживаю! Я против абстрактного гуманизма! — вскрикнула Поля и спохватилась.— Ах, я опять забыла...— Она зажала рот ладошкой.

— Какой же он у нас абстрактный? Мы хотим спасти ни в чем не повинных людей, беременную женщину,— ответил ей Снегирь.— Что может быть конкретней?

Диомидов снял пенсне и долго тер переносицу — он силился овладеть собой.

— В конце концов есть такой закон: беречь в бою командиров,— проговорил он медленно.— Выйдя из неудачного боя, командир в будущем поведет в бой новых бойцов.

— Плохо только, если командир стремится выйти из боя, даже не войдя в него,— отозвался Снегирь.

— О чем вы? Перестаньте морочить нас загадками,— вновь раздражился Диомидов.— И я не о своей шкуре в конце концов, я лично готов ко всему.

— Я убежден в этом,— сказал Снегирь.— И потому еще два слова... Коротеев!

— Я слухаю, председатель!— Коротеев вертелся на стуле, поворачиваясь то к дверям, то к столу.— Тихо кругом...

— Да, боец обязан в бою прикрыть командира. Но плохо, если командир укрывается за бойцом в тот момент, когда его место впереди. И сейчас этот момент наступил... В конце концов — это ваше любимое выражение, Диомидов!— Снегирь тоже не сдержался.— В конце концов все решает обстановка, конкретная необходимость.

— Обстановка ясная,— проговорил долго молчавший Батюшков.— Яснее не бывает.

— Пропадаем не за понюх табаку! — тенорком воскликнул Коротеев.

— Неправда!— Снегирь и сам повысил голос.— Мы остаемся здесь вовсе не для того, чтобы пропадать, да еще не за понюх... Мы остаемся, чтобы драться!— И он повторил:— Да, чтобы драться... Все мы, коммунисты, остаемся, чтобы дать бой изменникам.

— Чего?..— вырвалось у Махова.— А я ведь чуял, чуял! Был у него козырной туз, все время его держал. Ах, черт лобастый!

— Наша тюрьма переполнена.— Снегирь как бы даже порадовался этому обстоятельству.— По моим подсчетам, тут на трех этажах человек около трехсот, все больше пленные красноармейцы. Об их настроении нам уже коечто известно — нам удалось-таки наладить связь. И мы все остаемся здесь, чтобы сплотить людей и повести их... и не в некотором отдаленном будущем, а сейчас. Может быть, при других обстоятельствах мы приняли бы какое-то другое решение. Но сейчас, здесь у нас его нет — другого... Я не могу пока сказать ничего более определенного. Но завтра уже мы дадим бой!

— Черт лобастый! — с лаской повторил Махов.

— Верно, что снегирь — безунывная птаха,— еще раз подивился Коротеев.— Обратно — и бабам грех не посочувствовать.

Он прислушался и, от поспешности страшно фальшивя, затянул:

— «Во субботу, день ненастный...» — Словно подавившись, он оборвал песню.

В коридоре громыхали сапоги, тупо постукивали о голенища шашки — солдаты топтались рядом. Можно было разобрать фразы: «Пет-

руха, отпирай!», «Держи фонарь!» Мелко зазвякали и затихли шпоры.

— Вошли к соседям,— сказал Снегирь.— Надо кончать, голосую, товарищи! Вы все еще возражаете, Диомидов?

— Безусловно... категорически!

— Кто еще не согласен с моим предложением? — спросил Снегирь.

— Кстати, напомню: с нами сидят еще двое беспартийных.— Диомидов все не уступал Снегирю.— Цирковой борец Полупанов...

— Ну, чемпион греко-римской борьбы сам рвется в бой,— ответил повеселевший Махов.

— И вовсе не рвется этот музыкант Сведомский. Ничтожество,, конечно... Но почему бы нам и его не спасти? Это было бы в высшей степени гуманно,— продолжал Диомидов.

— Сведомский и вправду талантлив. К сожалению, у нас только три пропуска... Я и сам колебался, кому отдать третий: старому большому ученому или молодому музыканту? — сказал Снегирь.

— А мы у Полиньки спросим,— не без коварства предложил Махов.— Может, она подскажет кому?

Поля с укором на него взглянула; от невозможности слукавить на ее открытом лбу появилась скорбная морщинка.

— Женя не ничтожество, не надо,— попросила она.— Женя просто очень впечатлительный. Но он не ничтожество. Он весь в своей музыке, и он такой... такой... Когда он играет, кажется, он все чувствует, все понимает — душа переворачивается, а когда перестает играть, его становится ужасно жалко. Но если бы вы знали, как ему трудно было пробиваться! Отец хотел сделать из него лавочника... Но он ужасно неустойчивый — это правда!

— Воздерживаешься, Полинька? — забавлялся Махов.

Она зажмурилась и повертела отрицательно головой, длинная коса ее закачалась.

— Нет, не воздерживаюсь. Я больше согласна с товарищем Диомидовым...— И с закрытыми глазами, с тихой отчаянностью добавила: — Я против буржуазного гуманизма, против того, чтобы всех жалеть.

— Махов, твой голос? — спросил Снегирь.

— Я с тобой, предревкома!

— Батюшков, Иван Александрович?!

— С тобой! Схватимся еще напоследок...— Батюшков переборол себя, и эта победа над собой придала его голосу оттенок мрачной удали: — Я же путиловец, братцы!

— Товарищ Камушкин!— Снегирь вел опрос.

— Голосую за ваше предложение... Не хочу, как баран, свою голову... Не хочу.— Камушкин словно бы убеждал себя.

— Коротеев?

— Здесь!— как на строевой перекличке, ответил тот.— Командуй, председатель!

— Итак, пять голосов — за, два — Диомидов и Короленко — против. Предложение принято.

Снегирь собрал со стола пропуска.

— Поля, передашь вот...— сказал он.— Через два часа разбудишь женщин и профессора, скажешь — за ними придут. Скажешь, пусть и на свободе помалкивают, от кого получили пропуска и как... Впрочем, с профессором я сам еще поговорю, просьба к нему будет. Разбудишь и меня, если сам не проснусь. А проспишь — я тебя разбужу.— Снегирь вдруг коротко засмеялся.— Ну, успели, расходитесь, товарищи! Всем спать.

Некоторое время слышались еще возня и шуршание; передвигались стулья, кто-то споткнулся, кто-то крякнул...

Снегирь подул на огонек, загасил его и поднялся из-за стола.

— Подвинься, Диомидыч!— прогудел Махов.— На мою территорию залез.

Батюшков и Снегирь устраивались рядом в креслах.

— В Москве обучались, Сергей Григорьевич, в университете? — шепотом полюбопытствовал Батюшков.

— В Москве, да... Генерал Корнилов помешал диплом защитить, никогда ему не прощу.— Было слышно, что Снегирь доволен.

— Я математику тоже уважаю,— сказал Батюшков.— Против цифры не попрешь... На цифру только с другой цифрой можно.

— Давайте попробуем поспать,— шепнул Снегирь.

Продолжение следует.

ОТ СЪЕЗДА К СЪЕЗДУ

ТЫСЯЧА

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

Н. П. ТРЕГУБОВ,
начальник Главного управления торговли Мосгорисполкома

— Прежде всего о сделанном. Задание на девятую пятилетку — построить в Москве тысячу магазинов. Это задание выполнено?

— Да. Но мне хотелось бы сказать не только о количественной стороне дела. Ведь магазин магазину рознь. Вот, например, открыли в одном из новых районов, в Медведкове, Дом мебели. Его площадь — почти 15 тысяч квадратных метров. Для сравнения скажу, что известный мебельный магазин на Петровке имеет торговый зал в восемнадцать раз меньше; ну что можно в нем показать? А в нóвом магазине — десятки наборов комнатной и кухонной мебели: рассматривай, выбирай. Так что среди тысячи новых магазинов такие, как Дом мебели, как универмаги «Минск», «Сокольники» и другие, занимают особое место.

Среди новостроек московской торговли — несколько больших универсамов, о них тоже надо упомянуть. Они понравились не только жителям столицы, но и гостям города. По плану предполагалось открыть тридцать таких магазинов, но уже сейчас их тридцать пять. Наше главное направление — большие универсальные магазины. В них можно применить технику, покупателю удобно выбрать товар. В ряду таких предприятий торговли универсамы занимают заметное место. Мы стремимся открывать их в первую очередь в районах новостроек. И не только универсамы. Семьдесят процентов новых магазинов — в новых районах. Вот и сейчас мы заняты, как говорится, «привязкой» нескольких таких магазинов к местам массовой застройки.

— Назовите некоторые новые магазины. Чем они торгуют?

— Открыто несколько крупных магазинов: «1000 мелочей», «Одежда», «Детские товары». Особое место занимают магазины, в ассортименте которых только товары из стран социалистического содружества: «Лейпциг», «Варна», «Власта», «Ванда», «Балатон», а также сравнительно новые — «Ядран» и «Букур». Будет создано еще несколько таких магазинов.

Для тех, кто собирается купить автомобиль, около Южного порта открыт новый большой магазин «Автомобили». На одной из московских станций технического обслуживания автомашин начал работать магазин, в котором продаются только «Жигули».

Запроектированы большие универмаги на Колхозной площади и на Комсомольской. Здесь около трех вокзалов, всегда много народу. Поэтому тут решено построить универсальный промтоварный магазин с гастрономом, с предприятиями общественного питания. Эти предприятия создаются по специальным проектам, в них предусматривается использование лучшего из имеющегося оборудования.

— Все это крупные магазины. А маленькие? Они что, не в чести?

— Не хотел бы, чтобы меня так поняли. Если гигантский мебельный магазин или крупный универсам — это шаг вперед, то гигантская булочная — одна на большой жилой район — это нелепость, сулящая неудобства покупателям.

Каждые два дня в Москве открывается новый магазин. Каждый день открывается магазин после капитального ремонта или модернизации. И среди них, конечно, есть и небольшие и средние.

Открываются фирменные магазины, принадлежащие предприятиям и промышленным министерствам. Исполком Моссовета принял решение передать фирме «Океан» еще несколько новых помещений — в Гольянове, Орехово-Борисове, на улице Юных ленинцев и у Бауманского рынка. Пользуется популярностью магазин радиотехники на Пятницкой улице. Второй такой же скоро войдет в строй близ Смоленской площади. Министерство пищевой промышленности готовит к открытию свой фирменный магазин кондитерских изделий. Вместе с работниками Министерства мясной и молочной промышленности рассматриваем проект создания фирменного магазина по торговле изделиями предприятий этого министерства. Внесены предложения об открытии фирменных магазинов трикотажной, электронной, электротехнической промышленности.

Мы всячески поддерживаем создание специализированных фирменных торговых предприятий, но очень хотелось бы, чтобы их организаторы, промышленные министерства, больше внимания обращали на районы массового жилищного строительства — Перово, Дегунино, Чертаново, Медведково, Теплый Стан, Бескудниково и другие. Именно здесь прежде всего нужны хорошие новые магазины.

— Вы говорили об универсамах. Они уже привычны для столицы, нравятся покупателям. Значит ли это, что они само совершенство?

— Такие категорические определения торговле, по-моему, противопоказаны. Организм живой, быстро развивающийся, торговля остро реагирует на все новое. Было бы неправильно утверждать, что универсамы — единственно приемлемая форма организации торговли. Убежден, что через некоторое время и сами универсамы будут усовершенствованы. Но принцип, видимо, останется.

Чем они удобны? Здесь за короткое время можно купить практически все необходимые продукты и ряд хозяйственных товаров. Это хорошо. Но надо заглядывать и в завтрашний день. В Перовском районе недавно открылся крупный торговый центр. Он включает продо-

МАГАЗИНОВ

вольственный магазин самообслуживания, диетическую столовую, кулинарию, магазин культтоваров. Здесь же будут работать прачечная, ремонтные мастерские. Все в одном месте. Но это уже не универсам. Это скорее центр торгового и бытового обслуживания.

— Николай Петрович, а что можно сказать о судьбе старых торговых предприятий?

— Многие из них построены десятки лет назад, не рассчитаны на сегодняшние объемы торговли, на нынешний ассортимент товаров, на все увеличивающийся покупательский спрос. Работать здесь куда труднее — нет больших складских помещений, тесны торговые залы. Вот и решено реконструировать их; внутри создается более удобная планировка, появится современное торгово-технологическое оборудование.

Уже открыт новый корпус ЦУМа. Теперь строителям предстоит обновить, перестроить прежнее помещение, сохранив его привычный внешний архитектурный облик. Затем их соединят переходами. По сути, это будет единое здание.

— Очень удобная форма торговли — заказы...

— В 1975 году выполнено более 13 миллионов заказов, вдвое больше, чем в 1970-м. Конечно же, будем всячески совершенствовать это дело. Кто-то из статистиков подсчитал, что в течение года домашняя хозяйка приносит из магазина от 2 до 5 тонн продуктов. Кто же откажется от того, чтобы заказ был доставлен домой или на работу?

— На работу?

— Да. И на работу. На многих предприятиях открыты постоянно действующие столы заказов. Особенно хороши на ЗИЛе, заводе имени Владимира Ильича, на «Трехгорке», фабрике имени Петра Алексеева. Всего же постоянные отделы заказов — на 570 предприятиях, стройках, в учреждениях.

— Но, как говорится, не красна изба углами, Николай Петрович. Не так ли?

— Я бы уточнил: не только «углами» красна. Да, качество и ассортимент товаров в основном определяют работу того или иного магазина. Торговля стремится к тому, чтобы магазины располагали достаточным количеством товаров высокого качества. И в связи с этим хотелось бы сделать критические замечания.

12 лет выпускается стиральная машина «ЗВИ», по эксплуатационным свойствам значительно уступающая машинам других предприятий страны. Продажа «ЗВИ» сократилась в 1974 году по сравнению с предыдущим годом почти в три раза, а на 1975 год торговые организации столицы закупили всего 10 тысяч этих стиральных машин, в два раза меньше, чем в 1974 году.

Все реже покупают холодильник «Север-6», выпускаемый Московским заводом домашних холодильников. Если в 1970 году было продано в Москве 70 тысяч таких холодильников, то в 1974 году — лишь 20 тысяч. В четвертом квартале прошлого года завод должен был поставить торговле новую, более совершенную модель — «Север-9». Однако к серийному ее выпуску предприятие до сих пор не приступило.

— Помнится, в Москве был магазин «Новинки». Не предполагается ли открыть что-то похожее сейчас?

— Может, лучше пойти по иному пути: пусть новые товары будут во всех магазинах? Однако и создание такого специализированного магазина не исключено.

— Когда речь идет о товарах, какие количественные показатели можно привести?

— Только за прошлый год торговля получила от промышленности на 216 миллионов рублей больше изделий, чем за 1974 год. Но особенно выразителен рост, когда говорим об изделиях для туризма, отдыха, спорта, автомобилизма. Тут год от года запросы растут. И предложения промышленности — тоже. Но и наша требовательность растет: наступившая пятилетка — пятилетка качества...

— Как идет обновление ассортимента товаров народного потребления, какое в этом принимает участие торговля?

— Самое непосредственное. Я сейчас не буду говорить о таких традиционных формах нашей работы, как проведение оптовых ярмарок, где торговля становится покупателем, а промышленность — продавцом. Заказ торговли — вот главный критерий при решении заводом или фабрикой вопроса: что выпускать?

За последнее время стала прослеживаться еще одна тенденция. Я хочу сказать о появлении магазинов — своего рода законодателей. «Москвичка» и «Людмила», например, в какой-то мере диктуют женскую моду. «Москва», «Руслан» — мужскую, а магазин «1000 мелочей» в большой степени формирует портфель заказов на хозяйственные изделия для дома. Недавно неподалеку от Белорусского вокзала открылся магазин электробытовых товаров. Здесь любое изделие можно посмотреть в действии. Это обстоятельство повышает ответственность за качество товара и промышленности и торговли. Планируем создать магазин так называемой «малой» оргтехники — пишущих машинок, диктофонов, всякой канцелярской мелочи.

Сейчас одна из самых острых проблем — качество. Все больше появляется изделий, отвечающих самым высоким требованиям, но было бы опасно не видеть того, что и средненькие, а иногда и весьма посредственные товары прорываются в торговые залы, несмотря на заслоны, которые пытается выставить перед ними торговля. Вот почему такую широкую поддержку нашел почин «Сделано отлично — продано отлично».

— Пока еще несколько непривычно звучит словосочетание «Торговля и наука». Но, видимо, сейчас без ее помощи не обойтись?

— Вы сказали: непривычное сочетание? А почему? Это — устарелое представление о торговле как о сугубо практическом деле. Ныне без науки не решить тех крупных социально-экономических проблем, которые поставлены перед ней. Мы охотно и активно привлекаем к работе психологов, социологов, экономистов. Ученые участвуют в создании автоматизированной системы управления торговлей, помогают разрабатывать планы развития всей отрасли, выявляют и небольшие вроде бы проблемы.

Вот психологи обратили внимание на одну «странную» привычку большинства покупателей: войдя в торговый зал, они чаще всего начинают осмотр товаров, расположенных в левой стороне помещения. Идут по кругу — по часовой стрелке... Каприз? Курьез? Конечно, можно и так подойти к этому факту. Но можно внести соответствующие коррективы в размещение отделов в зале.

Без исследований не справиться с механизацией трудоемких, тяжелых операций, которые еще тормозят развитие торговли. Придумали и начали выпускать прилавки-контейнеры. Прямо на фабриках, на плодоовощных базах они загружаются товаром и вкатываются в торговый зал: подходи, выбирай. Стали считать — оказалось, что экономия от проданных из контейнера овощей составляет 4 рубля на каждую тонну. А собственно транспортные расходы уменьшились еще больше. Главное же, стало легче продавцу и значительно удобнее покупателю.

Но как бы ни развивалась техника, какой бы вклад ни вносила наука, проблема качества работы продавца по-прежнему остается первостепенной. Более того, теперь, когда так быстро развивается самообслуживание, когда продавец уже не стоит за прилавком, а находится в зале, требования к его квалификации, к культуре повышаются.

В московской торговле занято более 240 тысяч человек. Приятно отметить, что среди них 75 тысяч имеют высшее и среднее специальное образование. Многие из них отдали своей профессии десятки лет жизни и щедро делятся опытом с молодежью. В ЦУМе работает Галина Ивановна Федорова. Это ей принадлежит ценная инициатива — поддержать почин ткачихи М. С. Иванниковой и рапортовать XXV съезду КПСС не только о личных трудовых свершениях, но и отчитаться за успехи своего подшефного. Такая повышенная мера ответственности приносит ощутимые результаты. Только в Центральном универмаге над 500 молодыми работниками шефствуют 168 наставников.

В годы девятой пятилетки вместе со всеми трудящимися столицы работники московской торговли немало потрудились над тем, чтобы выполнить решения XXIV съезда КПСС, чтобы внести свою лепту в выполнение задачи, поставленной Леонидом Ильичом Брежневым,— сделать нашу столицу образцовым коммунистическим городом.

В Проекте ЦК КПСС к XXV съезду особо подчеркнуто дальнейшее повышение благосостояния советского народа, и это нацеливает нас на новые большие дела. В 1976—1980 годы предполагается построить в столице еще сотни новых магазинов с общей торговой площадью в 320 тысяч квадратных метров. На развитие торговли будет ассигновано более 300 миллионов рублей. Добиться максимальной эффективности, изыскать резервы для расширения товарооборота — об этих и многих других проблемах шел у нас разговор при обсуждении нового программного документа партии. Мы понимаем меру своей ответственности — ведь и от нашей работы зависит выполнение главной задачи десятой пятилетки.

Беседу вел К. БАРЫКИН.

О НАРОДЕ, ДЛЯ НАРОДА

Г. КОРЖЕВ,
председатель правления Союза художников РСФСР, народный художник РСФСР, действительный член Академии художеств СССР

К своей юбилейной пятой выставке «Советская Россия» художники республики готовились тогда, когда весь народ с воодушевлением трудился в преддверии XXV съезда партии. И многие произведения, вошедшие в экспозицию, по сути, большинство, отразили предсъездовские успехи и свершения советских людей. Так стала наша выставка летописью тех трудовых дней республики, что сверены с предстоящим высшим партийным собранием страны. Полотна и скульптурные композиции, монументальные панно и графические серии рассказывают, как шуршат ивановские ситцы в ловких руках мастериц, как, послушный воле кузнецов Сормова, гнется раскаленный металл, как дышит теплом родного дома пашня, согретая трудом хлеборобов, или тихо позванивают колбы в научной лаборатории, взмывают в холодноватую синь северного неба истребители, в туманном рассвете поднимается из уральской шахты смена, сибирские плотогоны одолевают стремнину могучей реки.

В одном строю с рабочими, колхозниками, работниками науки, строителями трудились художники. И стал их труд не только рассказом о делах народных. Будничный, каждодневный этот труд, когда через страсть, а порой сомнения живого сердца и разума художника приходит вдохновенное раскрытие правды, стал частью дел всего народа, посвященных историческому событию в жизни Родины. И потому мы, российские художники, сочли себя вправе добавить к названию нашей выставки: «Художники России — XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза».

Рабочим девизом, под которым все пятилетие шла подготовка к отчету перед зрителем, перед народом, были слова: «Наш современник». Мысль о современнике — творце, труженике вдохновляла художников, когда они работали над произведениями для выставки «По родной стране», для десяти зональных экспозиций, предшествовавших нынешней, пятой выставке «Советская Россия». На этих предварительных смотрах, проходивших под такими названиями, как «Советский Север», «Урал социалистический», «Край черноземный», «Сибирь социалистическая», «Советский Дальний Восток», полно и щедро предстало перед народом творчество большого, многонационального коллектива художников Российской Федерации, о которой Л. И. Брежнев сказал: «Славная своими революционными, трудовыми и боевыми традициями, впервые давшая миру образец братства различных народов и национальностей, она вносит огромный вклад в коммунистическое преобразование нашей Родины».

И если, придя в Манеж на встречу с многотысячной экспозицией пятой республиканской художественной выставки, зрители ощутили дыхание современности, если увидели они воочию сегодняшний созидательный день страны, значит, наши усилия не были напрасны.

Когда в 1960 году открылась первая выставка с традиционным названием «Советская Россия», среди ее участников преобладали художники Москвы и Ленинграда. Теперь нельзя не заметить, что искусство республики, яркое, многоликое, создается не только в этих давно сложившихся культурных центрах, но на всем громадном пространстве, во многих городах — от берегов Балтики до Тихого океана. В Иванове, на родине первых Советов, и Петропавловске-Камчатском, в Новосибирске и Владимире, Ростове-на-Дону и Вологде, Магадане и Орле, Уфе и Саранске, Казани и Петрозаводске, Новгороде и Якутске, Свердловске и Элисте, Махачкале и Смоленске... Мы считаем этапным для современного изобразительного искусства республики близость к жизни, присутствие в произведении волнующего биения пульса времени. Живя и работая в своем крае, художники непосредственно, внимательно наблюдают жизнь. И действительность раскрывается перед ними не в общих формулах, не поверхностно, а в конкретных человеческих характерах, делах, мыслях, чувствах, в одолении противоречий. Там, где талант, мастерство одухотворены истинным знанием действительности, причастностью к ее заботам, в искусство непременно приходит правда.

Но как этого добиться? Как приблизиться к этой правде? Решению этих вопросов не один год была подчинена длительная, напряженная работа коллектива художников России. Мы понимали: сегодня без тесного сближения с жизнью, без изучения и осмысления ее не может состояться подлинно передовое искусство, искусство для народа. И мы решительно выбрали такой рабочий курс, который продолжает традиции русского демократического искусства и искусства социалистического реализма.

Еще И. Е. Репин без обиняков писал: «Судья теперь мужик, а потому надо воспроизводить его интересы». Искусство Страны Советов с первых дней черпало мысли и образы в гуще народной жизни, претворяя в художественные образы все самое прекрасное, сильное и мудрое. Так рождались поэзия Маяковского и кинематограф Пудовкина, книги Фурманова, Гладкова, Шолохова, скульптура Андреева, Шадра, Матвеева, Мухиной. Эти произведения — бессмертное художественное воплощение исходного тезиса пролетарского искусства, сформулированного В. И. Лениным в письме к Горькому в 1919 году: «Если н а б л ю д а т ь, надо наблюдать внизу, где можно о б о з р е т ь работу нового строения жизни, в рабочем поселке провинции или в деревне...». Наше время, для охвата и понимания закономерностей которого уже не хватало самых продолжительных индивидуальных командировок, потребовало от художника не только наблюдать — жить рядом с его героями. Так родилась идея создания творческих групп. Теперь их уже более сорока. Они работают на предприятиях, стройках, в хозяйствах республики. Эти группы — бригады, объединяющие живописцев, графиков, скульпторов, плакатистов, художников разных поколений, и есть теперь то реальное рабочее звено, спаявшее искусство и жизнь, которое способно выдерживать новые нагрузки, ответственность, возлагаемую на них временем, народом. Художники, работающие в группе, не свидетели, не наблюдатели, пусть даже и самые заинтересованные. Творческую группу как бы само время зачислило в штат трудовых коллективов. Это рядовая бригада, но со своим участком работы, который имеет особый объем и содержание, свои задачи. Их решение одинаково важно для всего нашего общества и, скажем, для рабочих «Уралмаша» или Череповецкого металлургического комбината, для тружеников энергетических гигантов Сибири и колхозов обновляемого Нечерноземья, леспромхозов Карелии, Дальнего Востока...

Для многих участников выставки мастерской были цех, полевой стан, строительная площадка, ферма. На этом рабочем месте делом и долгом художника было увековечить время, его людей, говорить от имени народа с будущим. Единение искусства и труда стало у нас на глазах реальностью.

Впервые в истории изобразительного искусства награда — диплом Академии художеств СССР — была на днях присуждена коллективу курских художников — творческой группе, работавшей в колхозе имени М. В. Фрунзе. Созданные там произведения живописи, скульптуры, графики показывают, как важна для художника радость соприкосновения с истинными героями, возможность найти то, что тебе особенно дорого, тех людей, о которых тебе хочется рассказать, потому что ты хорошо их знаешь, знаешь смысл и цену их труда.

Однако не только числом удачных, вошедших в экспозицию произведений, измеряются результаты работы художников. Истинные результаты — в общем успехе выставки. Она стала такой, что о ней заговорили, как о важном событии в культурной и общественной жизни страны, благодаря новым формам, открытым для работы художниками РСФСР в ответ на призыв партии: «Мы хотим, чтобы и впредь крепла связь творческой интеллигенции с жизнью народа, с рабочим классом и тружениками села».

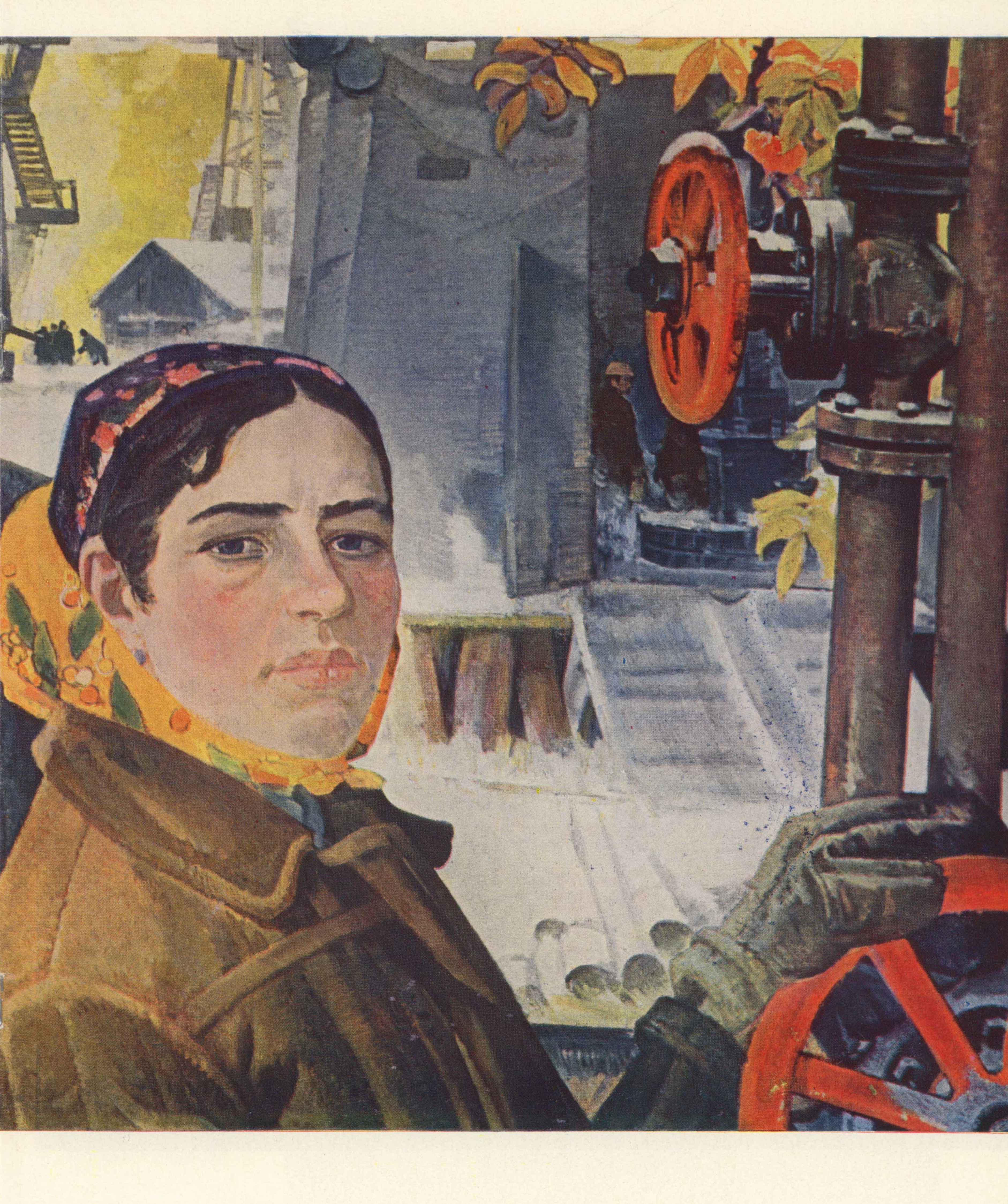
Далеко вперед шагнуло искусство автономных республик и областей, входящих в нашу Федерацию. Жизнь непререкаемо и требовательно показала бесплодность искусства, замкнутого в самом себе.

А. Белявский. Род. 1934. ТРАКТОРИСТЫ. 1975.

Х. Якупов. Род. 1919. ЗОЛОТО ТАТАРИИ. 1974.

А. Алексеев. Род. 1929. СТРОИТЕЛИ-СКАЛОЛАЗЫ САЯНСКОЙ ГЭС
С. СЕЛЬВОНИК, Н. КУЧЕЛАЕВ, Ю. КОЛГАНОВ, Г. СЕМУХИН. 1974.

Когда пришли художники в заводской цех, на колхозное поле, ферму — туда, где в громах и звонах великих строек день заполнен заботами о плане, о производительности труда, где живой человек раскрывается во всей сложности и богатстве, какими тесными показались вдруг стены мастерской! А главное — оказались ограниченными отгораживающие от жизни рамки подражания народному искусству: стилизация, примитивизм, экзотика. Чтобы рассказать о земляках, их труде, мечтах и достижениях, художники обратились к полнокровному реализму, к живому и самобытному развитию его могучих, неисчерпаемых традиций.

Родной край подсказал якутскому живописцу А. Осипову неповторимые краски, композиционный строй его полотен. И главное — сам подход к теме найден в своеобразном складе народной жизни, в ее неторопливости, которая сродни огромным пространствам Якутии, в спокойствии, неколебимой выдержке, самоуглубленности, внешней невозмутимости национального характера, обусловленного самой природой. Даже в колорите картин ощущаешь, как дорожат в том студеном краю весенним цветением земли, теплом солнечных лучей, растворяющих благоухание трав в согретом воздухе...

Очень интересно наблюдать, исследовать, как башкирский мастер А. Лутфуллин убедительно развивает традиции русского демократического реализма в своем творчестве, проникнутом духом народных сказов. Он долгое время работал в одном из колхозов республики и создал там целую галерею портретов. Мы вглядываемся в живые лица, и нам раскрывается характер башкирского труженика: чувство достоинства, воспитанное привязанностью к земле, верность традициям отцов, дополненные сегодня особой гордостью советского человека. Мы думаем о том, как наглядно и ярко в творчестве национального мастера воплотился закон о взаимовлиянии в искусстве национального и интернационального, общечеловеческого. Невольно вспоминаются слова Белинского: «...чем выше произведение в художественном отношении, тем оно и национальнее». Именно потому в новой работе представителя искусства Татарии Х. Якупова «Челнинские красавицы» национальный характер, воплощенный мажорно, красочно, пламенно, вобрал в себя и выразил прекраснейшие черты, свойственные советской женщине, нашей современнице. Потому у Р. Ермолина, будто уловившего отсветы северного сияния над родным ему краем Коми, в переливчатых красках особенного колорита звучат песни нашей бескрайней страны. Эпичность, суровость и непоколебимая надежность карельского народного склада ощущаются в скульптурных портретах Л. Лангинена. Лучшие качества трудового советского характера вдумчиво и глубоко раскрывают воплощенные в бронзе образы С. Санакоева, художника из Северной Осетии.

Высокая идейность, народность и духовность, которыми обогащало сокровищницу мировой человеческой культуры великое русское искусство, сегодня продолжают питать творчество сильных, самобытных мастеров современного русского искусства. Таких, как вологжанин В. Корбаков, смолянин В. Ельчанинов, В. Сафронов из Ульяновска, ивановцы М. Малютин, Н. и В. Родионовы, курянин В. Ерофеев, владимирцы В. Юкин и К. Бритов, уфимцы Б. Домашников и А. Пантелеев, Е. Широков и Т. Коваленко из Перми, А. Титов и В. Иванов из Рязани, Г. Огарева-Дарьина из Ярославля, Ю. Земсков из Владивостока, ленинградцы Б. Угаров, Б. Пленкин, В. Ветрогонский, А. Левитин... Страницами прошлого Родины предстают полотна Ю. Кугача, Е. Моисеенко, Л. Котлярова. Преданная сыновняя любовь к Отчизне согревает посвященные Псковщине и псковичам картины П. Оссовского. Многоликая красота России — ее просторов, городов, сел — живет в холстах А. Грицая, И. Попова, В. Загонека, А. Тутунова, Э. Браговского, П. Никонова, в рисунках И. Голицына, офортах С. Никиреева. Люди России вдохновляют В. Нечитайло, М. Смирнова, О. Комова, И. Шевандронову. Скульптурная композиция О. Кирюхина «Победители» прямо из залов выставки выйдет на одну из площадей Москвы и станет монументом трудовой славы рабочего класса столицы. Тема Великой Отечественной войны величаво и скорбно звучит в полотнах А. Мыльникова, А. Холмогорова, в скульптурных работах М. Аникушина.

В творчестве художников разных поколений, в красках и ритмах нашего времени предстает тот же высокий, достойный славных традиций русской школы уровень мастерства, каким были отмечены работы старших по возрасту мастеров: Кукрыниксов и Ю. Пименова, А. Тютькина и В. Почиталова, В. Штраниха и А. Каневского, Е. Кибрика, В. Курдова и других. Работы молодых проникнуты тем же горячим интересом к современности, любовью к Родине. Их воодушевляло гражданское стремление сказать о нашем времени, о своем поколении новое, особенное, яркое слово. В нынешней экспозиции «Советская Россия» были представлены произведения молодых сибиряков, дальневосточников, москвичей, ленинградцев, работавших в творческой группе «БАМ» по командировкам комсомола и Союза художников РСФСР.

Всегда было и так, видимо, всегда будет в искусстве, что основную нагрузку на выставке несут художники среднего поколения. К их именам часто добавляется теперь эпитет «ведущие», то есть прокладывающие новые тропы. Тысячи северных километров одолевал В. Стожаров, чтобы раскрыть нам красоту просторов, доброту и крепость людей этого русского края. Весь талант, всю любовь отдают людям, работающим на земле Нечерноземья, В. Сидоров, братья Ткачевы. Духовные, нравственные проблемы — основа произведений В. Попкова и В. Иванова. Более десяти лет пишет картины о целинниках Д. Мочальский. Прямо на строительной площадке КамАЗа начинались выразительные холсты К. Максимова. Та любовь, что звала народ на подвиги во имя Победы, пронизывает пейзажи бывшего солдата Е. Зверькова... И пятая выставка «Советская Россия» предстала как художественный образ трудовой победы наших людей в девятой пятилетке, которую Л. И. Брежнев назвал «лучшей пятилеткой в истории нашей страны». Голос нашего времени, звучащий в подлинных творениях высокого искусства, будет слышен потомкам. И сколько бы лет ни прошло, зрители будут узнавать в них 70-е годы XX века точно так же, как мы с волнением узнаем людей 20-х или 30-х годов в ставших ныне классикой произведениях искусства той славной поры. Наших современников грядущие поколения будут знать в лицо по тем любовно и правдиво написанным портретам, которые радовали нас на выставке, как встреча с живым человеком.

...Не так давно мы отметили 70-летие со дня выхода в свет исторической работы В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». Перечитывая бессмертные страницы, поражаешься соответствию ленинских мыслей и высказываний великих художников-демократов. Владимир Ильич говорил в ней о необходимости «свободы от буржуазно-анархического индивидуализма». И. Е. Репин также писал, что индивидуализм — самая опасная и больная сторона человеческого существа. Художники Советской России еще раз вдохновенно и убежденно продемонстрировали верность высокой традиции служения общественным идеалам, служения народу.

Открытия приходят в искусство через познание духовного мира современника. Будет, пожалуй, справедливым признать, что сегодня жизнь, насыщенная новизной, стремительная, обогнала художника. И наша задача сейчас — вести ее глубинное, обстоятельное исследование, осуществлять сбор материала, вникая в характер, духовный мир, творческий и созидательный потенциал современника.

Вот почему для нас наша пятая республиканская не просто итог и отчет. Это и начало. Выставка мобилизует нас на поиски и дерзания во имя воплощения идеала времени, являющего собой канун коммунизма. Экспозиция «Советской России» свидетельствует о том, что путь выбран правильный, плодотворный. И если идти по нему целеустремленно, не сбиваясь, то на этом пути в дальнейшем непременно будут созданы глубоко правдивые произведения, которых ждет от нас народ, произведения, отмеченные подлинным знанием жизни, проникнутые живым, волнующим дыханием современности.

Г. Сысолятин.
Род. 1936.
МОСКВА СТРОИТСЯ.
1975.
Фрагмент.

...И ВОСПИТ

С. Г. БАННИКОВ,
заместитель председателя Верховного суда СССР

Среди определенной части населения бытует мнение, что наш суд является карательным органом. Это мнение верно, но лишь отчасти. Во-первых, надо иметь в виду, что деятельность советского суда тесно связана с регулированием широкого круга общественных отношений, причем дела о правонарушениях, влекущих уголовную ответственность, составляют менее шестой части рассматриваемых судами дел. Подавляющее же большинство дел относится к различным гражданско-правовым спорам. Во-вторых, наказание, которое назначает суд виновному в совершении преступления, является не только карой, но и мерой, направленной на то, чтобы нарушивший закон исправился, чтобы на его «опыте» выводы для себя сделали и другие, склонные к правонарушениям лица. Таким образом, функции нашего суда намного шире и многообразнее, чем просто наказание провинившегося: всей своей деятельностью суд воспитывает граждан в духе точного исполнения законов и правил социалистического общежития. Закон воплощает ленинские указания о том, что суд представляет собой орудие воспитания на прочных основах социалистического общества, что он призван «...обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся».

Советский суд поистине народный. Он организуется и действует на началах подлинной демократии. Наша страна явилась первой в мире, где все без исключения судьи избираются и подотчетны перед своими избирателями. Судебная система Советского государства построена таким образом, что она доступна населению и позволяет быстро и справедливо разрешать возникающие дела. Основное ее звено — это районные (городские) народные суды, которые ближе всего стоят к населению. Именно сюда, как правило, обращаются граждане, чтобы восстановить истину, найти защиту нарушенных имущественных, семейных, трудовых, жилищных и иных прав и интересов. Народные суды разрешают почти 99 процентов всех судебных дел.

Воспитательным целям в максимальной мере подчинен установленный законом порядок судебного разбирательства, который основан на строго демократических принципах. Назовем наиболее важные из них.

Гражданские и уголовные дела во всех судах — от народного до Верховного суда СССР — рассматриваются коллегиально, судьей и двумя народными заседателями. Институт народных заседателей — это и важное средство воспитания масс и яркое свидетельство участия народа в осуществлении правосудия. Ныне только в составе районных и городских судов насчитывается около 650 тысяч заседателей, представляющих все слои населения: рабочих и колхозников (их среди заседателей более половины), научных работников и студентов, учителей и инженеров. Все они избраны непосредственно коллективами, в которых работают или учатся. Их богатый и разносторонний опыт, житейская мудрость и политическая зрелость, понимание своих обязанностей в осуществлении правосудия оказываются весьма нужными и полезными при разрешении судебных дел, каждое из которых близко затрагивает людские судьбы. Народные заседатели пользуются одинаковыми правами с судьей. Это очень важно, тем более что решения суд выносит большинством голосов.

Рассмотрение судебных дел происходит гласно, как правило, в присутствии значительного числа граждан, а обвиняемому гарантируется право на защиту. Все это позволяет суду не только, скажем, разрешить возникший между сторонами спор либо установить правонарушение и наказать виновного, но и провести большую воспитательную работу, мобилизовать присутствующих в зале на борьбу с нарушениями закона, предостеречь от таких нарушений.

Судебное разбирательство строго регламентировано нормами закона. Принцип социалистической законности — основополагающий в деятельности советского суда.

Подчеркивая необходимость укрепления социалистической законности, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев указывал, что это означает, «во-первых, строжайшую охрану прав граждан... Во-вторых... строжайшее соблюдение советских законов, правил общественного порядка всеми гражданами».

Значение принципа социалистической законности далеко выходит за рамки конкретного судебного дела. Любой гражданско-правовой спор, всякое уголовное правонарушение так или иначе имеют общественный резонанс. Поэтому правильное разрешение судебных дел способствует воспитанию граждан в духе уважения закона, надлежащему формированию их правосознания. Ошибочное же судебное решение может поколебать доверие отдельных лиц к суду, вызвать с их стороны справедливые нарекания. Вот почему считается непреложным правило: при разрешении судебных дел нет мелочей, нет второстепенных законодательных норм, недопустимо малейшее отступление от закона. Каждое принимаемое судом решение должно быть не только законным, обоснованным, но и понятным, убедительным для всех, кто его выслушал или прочитал.

Качество нашего правосудия, его действенность неуклонно повышаются. Об этом свидетельствует заметное и последовательное уменьшение числа обжалуемых решений и приговоров. Что же касается количества отмененных и измененных приговоров судов, то за последние десять лет оно сократилось вдвое. Однако еще не все дела разрешаются судами в строгом соответствии с требованиями закона. Допускаемые ошибки объясняются порой тем, что суды не всегда обеспечивают полное, всестороннее и объективное исследование обстоятельств дел.

Верховный суд СССР, как высший судебный орган страны, осуществляя надзор за судебной деятельностью, требует неукоснительного соблюдения закона и принимает необходимые меры к восстановлению нарушенных прав граждан. Вот два конкретных дела.

Гражданка Л. И. Змачинская, работавшая медсестрой при средней школе № 4 города Мозыря, была уволена администрацией за отказ перейти на такую же работу в другую школу — это было расценено как прогул. Разрешением возникшего спора занимались различные судебные инстанции Белорусской ССР, но все они иск Змачинской о восстановлении на работе отклоняли: не вышла на работу по новому месту, и нет тому оправдания. Пленум Верховного суда СССР, рассмотрев дело в порядке судебного надзора, признал, что предыдущие решения основаны на недостаточно проверенных материалах. В частности, не были приняты во внимание доводы Змачинской о существенной разнице в условиях труда и загрузки ее в другой школе. Не учтено, что, отказавшись перейти в эту школу, Змачинская до дня увольнения приходила на работу в поликлинику, где числилась в штате. Следовательно, нет оснований считать, что она совершила прогул. Верховный суд СССР отменил состоявшиеся ранее решения и направил дело на новое рассмотрение. Внимательно разобравшись в существе спора и всесторонне оценив обстоятельства дела, Гомельский областной суд восстановил Л. И. Змачинскую на прежней работе и взыскал в ее пользу зарплату за три месяца вынужденного прогула.

Другой пример. 36-летний Волков[1], находившийся в тяжелой степени опьянения, на улице придрался к подростку, преследовал и оскорблял его. Шедший рядом старший брат мальчишки, 15-летний О. Камалов, попытался унять пьяницу. Тогда тот схватил его за руку, толкнул, но Камалов опередил хулигана, ударил и оттолкнул Волкова. Он упал и, ударившись головой об асфальт, скончался.

Суд расценил действия О. Камалова как неосторожное убийство и приговорил его к 2 годам лишения свободы. Однако Пленум Верховного суда СССР по протесту Генерального прокурора отменил приговор и прекратил дело. Это решение находится в полном соответствии с положением закона о том, что действия граждан, направленные на пресечение преступных проявлений, признаются правомерными, даже если при этом вынужденно причинен вред нападающему.

Разумеется, смерть Волкова — событие трагическое, обернувшееся горем для его близких. Но оно находится в непосредственной причинной связи с неправомерным поведением Волкова, сопровождавшимся грубым насилием. В сложившейся обстановке Камалов вправе был защищать себя и младшего брата от домогательств пьяного хулигана. Избранный же им способ защиты не выходил за пределы необходимой обороны, и, несмотря на тяжкие последствия, у суда не было оснований считать, что Камалов совершил преступление.

Степень воспитательного воздействия правосудия во многом зависит от того, в каких условиях проходит судебное разбирательство. Имеют большое значение и подготовленность помещения, и порядок в зале, и культура ведения судебного процесса, и уважительное отношение к его участникам со стороны судей, и многое другое. Словом, здесь должна быть по-настоящему деловая, строгая атмосфера, максимально способствующая правильному восприятию присутствующими подлинной роли суда как объективного, беспристрастного и независимого органа социалистического правосудия. Эти требования, обязательные для любого судебного процесса, имеют тем большее значение, когда дело разбирается в выездной сессии. А ныне в таких условиях рассматривается примерно каждое пятое уголовное дело. Тщательная подготовка и умелое проведение судьями выездных судебных процессов оказывают серьезное воздействие на формирование правосознания граждан, помогают, как указывал В. И. Ленин, вынести из дела «уроки общественной морали и практической политики». Но бывает и так, что для слушания в выездной сессии выбирается малопоучительное или плохо расследо-

---

[1] Фамилии тут изменены.

ЫВАТЬ

ванное дело, неудачно назначается время и место его рассмотрения, а население своевременно не извещается о процессе. Один из народных судов, например, решил рассмотреть в помещении ПТУ дело о хулиганских поступках группы бывших учащихся профессионально-технического училища. Здесь прошло судебное следствие, тут же была произнесена речь государственным обвинителем, а заслушивание речей адвокатов, последнего слова подсудимых, оглашение приговора перенесли в помещение народного суда. В результате кое-кто из учащихся усомнился в равенстве прав сторон, в объективности суда.

Иногда приходится слышать, что у нас якобы существуют слишком мягкие меры уголовного наказания, а суды проявляют тут либерализм. И это отрицательно влияет на предупреждение правонарушений. Подобные суждения, конечно, ошибочны и объясняются недостаточным знанием отдельными гражданами законов, а возможно, и недопониманием сущности и целей наказания. Бесспорно, что преступление не может оставаться безнаказанным. Однако неотвратимость возмездия и его суровость не всегда равнозначны. Виды и меры уголовного наказания должны быть дифференцированными, то есть учитывать характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие его ответственность. Именно этот принцип и нашел отражение в нашем уголовном законодательстве. За опасные преступления установлено лишение свободы до 10 лет, а за особо тяжкие деяния и в отношении особо опасных рецидивистов — до 15 лет. В исключительных случаях, при особо отягчающих обстоятельствах особо опасные преступники могут быть приговорены к смертной казни. Практика показывает, что за такие преступления, как убийство, изнасилование, разбой, грабеж, хищение в крупном и особо крупном размере, взяточничество, особо злостное хулиганство, суды приговаривают виновных к длительным срокам лишения свободы со строгим режимом отбывания наказания. Суды и впредь должны проявлять твердость и решительность при определении наказаний тем, кто совершает тяжкие преступления, особенно рецидивистам.

Но уголовное законодательство предусматривает и виды наказания, не связанные с лишением свободы, например, исправительные работы, штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, общественное порицание. Знает оно и условное неприменение наказания. Эти меры могут назначаться лицам, впервые совершившим преступления, не представляющие большой общественной опасности, и не нуждающимся в том, чтобы их исправление происходило в условиях специального режима. Преимущество таких видов наказания состоит в том, что осужденные, как правило, остаются в коллективах, где они работают или учатся, и сама среда положительно влияет на их перевоспитание.

Для повышения эффективности условного осуждения суд может по своей инициативе, а также по ходатайству общественной организации или соответствующего коллектива передать им виновного: пусть наблюдают за ним, пусть ведут с ним воспитательную работу. Статистика показывает, что условно осужденные, которые передаются на исправление в коллектив, редко совершают повторные преступления.

Применительно к этому весьма актуально указание Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева о том, что «мнение коллектива, воздействие коллектива, повседневно окружающего человека, могут зачастую сделать больше, чем любые официальные постановления».

Надо также иметь в виду программное положение нашей партии о последовательном сужении сферы уголовного наказания и расширении мер общественного воздействия; учитывать, что «в условиях социализма каждый выбившийся из трудовой колеи человек может вернуться к полезной деятельности».

Передавая условно осужденных на перевоспитание, суд поддерживает постоянную связь с соответствующими коллективами, заботится о том, чтобы работа с осужденными носила действенный характер. Такое взаимодействие обусловлено общностью задач, стоящих перед судом и общественностью в предупреждении преступлений, перевоспитании правонарушителей. Этим целям служит и установленный законом институт общественных обвинителей и общественных защитников. Они участвуют в рассмотрении судами почти каждого седьмого уголовного дела, помогая глубже разобраться во всех обстоятельствах, полнее выяснить все, что характеризует личность подсудимого, и принять обоснованное решение. В то же время принципиальная позиция представителя общественности в суде нередко помогает и самому подсудимому многое осознать, понять суть его конфликта с обществом, коллективом, где он работал или учился, со всеми людьми, которые его знали и оказывали ему доверие.

Суд одновременно с постановлением приговора, при наличии к тому оснований, может вынести частное определение в адрес руководителей предприятий, учреждений, организаций и других лиц, он вправе обратить их внимание на причины и условия, способствовавшие правонарушению, на неправильное поведение отдельных граждан на службе, в быту, на допущенное ими нарушение общественного долга.

В свою очередь, учреждения, предприятия, организации и должностные лица, в адрес которых направлены частные определения, обязаны в месячный срок сообщить суду о принятых мерах. Частные определения судов помогают устранять факты расточительства и бесхозяйственности, нарушений государственной и трудовой дисциплины, а также правил социалистического общежития.

Вот характерный пример. Верховный суд Абхазской АССР по делу о хищении на Качарской чайной фабрике установил, что здесь, когда принимали от поставщиков чайный лист, применяли завышенную скидку на влажность, а при учете выхода готовой продукции занижали коэффициент на единицу сырья. В результате создавались излишки продукции, которые затем расхищались. Учтя все это, суд вынес частное определение и направил его в Министерство пищевой промышленности СССР. В установленный срок министерство сообщило суду, что на всех чайных фабриках страны будут пересмотрены и внедрены соответствующие нормы расхода сырья.

Однако не везде еще с должным уважением относятся к частным определениям судов. Порой на них не очень-то активно реагируют, иные руководители не сообщают суду о принятых мерах, забывают, что судебные акты провозглашаются именем государства и они обязательны для всех государственных и общественных организаций, предприятий, учреждений, должностных лиц и граждан.

В СССР созданы исключительно благоприятные условия для успешного решения задач социалистического правосудия. Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют огромное внимание укреплению социалистической законности, упрочению общественного порядка, повышению авторитета суда.

Работники суда всей своей многогранной деятельностью неуклонно претворяют в жизнь демократические принципы советского правосудия. Они всегда помнят, что цель суда не только наказывать, но и наставлять на правильный путь тех, кто умышленно или невольно нарушил закон, возвращать их в ряды активных строителей нашей жизни, воспитывать всех граждан в духе уважения закона и правил социалистического общежития.

Важность и ответственность этих задач советского суда приобретает особое значение в связи с предстоящим XXV съездом КПСС, который определит новые грандиозные рубежи в деле построения коммунистического общества в нашей стране.

НА ЗЕМЛЕ ПСКОВСКОЙ

В очерке «Сороковой бор», самом крупном и давшем название новой книге Юрия Грибова, особенно ощущается ее поэтический колорит. Рожден он и красотой знаменитого соснового бора и внутренним обликом главного героя — Сергея Васильевича Моисеева, егеря, призванного охранять и умножать богатства государственного заказника. Забот у егеря много: надо присмотреть за молодыми посадками и за бобрами, недавно привезенными из Белоруссии и развернувшими свое удивительное строительство, надо уберечь лес и от пожара и от браконьера. Вот уже вторую собаку застрелили у Моисеева, угрожают ему самому. Положим, убить не убьют, но ранить дробью могут: злой да порой еще и пьяный человек с ружьем в руках — опасность не шуточная. Сколько же надо спокойствия и выдержки, сколько беззаветной любви к своему делу и к родным местам, чтобы изо дня в день, год за годом, без устали нести такую нелегкую службу! Зато велика и радость при виде плодов своего труда. «Леса и земли, в которые вложил этот человек свою душу, прекрасны,— пишет Ю. Грибов.— Скромны и прекрасны, как и он сам...»

Эти строки — своего рода ключ и ко всем остальным очеркам, составляющим книгу, ибо она — о скромных и прекрасных людях Псковщины. В годы войны они, не покорившиеся вражеской оккупации, стойко сражались в рядах партизан, а потом чуть ли не голыми руками восстанавливали разрушенное хозяйство. Это они, псковские крестьянки, брались за самые трудные дела, руководили партийной и колхозной работой, растили хлеб и лен, выхаживали телят. Это они — в основном старики да дети — отстроили заново дотла сожженную фашистами крохотную деревеньку с гордым именем — Москва...

И теперь мы видим край, преображенный их руками, видим их самих — известного картофелевода Ивана Сергеевича Угаркина, секретаря колхозного парткома Евгению Николаевну Терентьеву, заведующего Себежским музеем, патриота псковской земли Константина Михайловича Громова, председателя колхоза Петра Григорьевича Сарова и многих, многих других. Умело высвечены отличительные черты их характеров, раскрыта глубина щедрых на добро сердец.

Юрий Грибов знает своих героев по-настоящему близко, хорошо, ему ведомы их заветные желания и стремления, радости и печали. Любовь к ним и к неповторимой красоте «голубого края» наполняют «Сороковой бор» — книгу интересную и запоминающуюся.

Н. ЦВЕТКОВА

Юрий Грибов. Сороковой бор. М., «Советская Россия», 1975, 320 стр.

Чайки над Даугавой.

Ноктюрн «Старые камни».

РИГА И РИЖАНЕ

Меняется силуэт города.

Освальд **КУБЛАНОВ**
Фото И. ГАВРИЛОВА

Зимнее солнце.

Можно немножко побрюзжать старому рижанину? Мне жаль, что нет уже больше извозчиков. А то мы уселись бы с вами в пролетку и не спеша петляли по узким улочкам старой Риги. На козлах, свесившись набок, сидел бы кучер в клетчатой крылатке и мурлыкал в такт цокающим копытам. Когда я был мальчишкой, мы не переставали удивляться, как это извозчик не свалится; мы не знали тогда, что в этом и был главный шик — кто выдержит наибольший крен, тот и мастер своего дела...

Когда мы говорим о старом городе, то, естественно, имеем в виду ту его часть, что положила начало будущей столице: это территория в 50 гектаров, расположенная между Даугавой и парками вдоль всего главного канала. После войны рижане горевали: силуэт Риги потерял своего «главного» петуха — сгорела башня церкви Петра высотой в сто пятнадцать метров, эта деревянная конструкция была когда-то самой высокой в Европе. Сейчас петух снова уселся на свой шпиль. Реставрационные работы по восстановлению уникального памятника старины, первые сведения о котором находим в летописи еще за 1209 год, близятся к завершению. По сохранившимся точным обмерам всей башни и двум моделям ее конструкции реставраторы воссоздали ее в первозданной красоте. За последние годы латвийские архитекторы многое восстановили в старой Риге и сделали это с любовью, с выдумкой, с большим вкусом. Ждет своего возрождения и чудом сохранившийся висячий сад, созданный Петром I в его дворце на Даугаве.

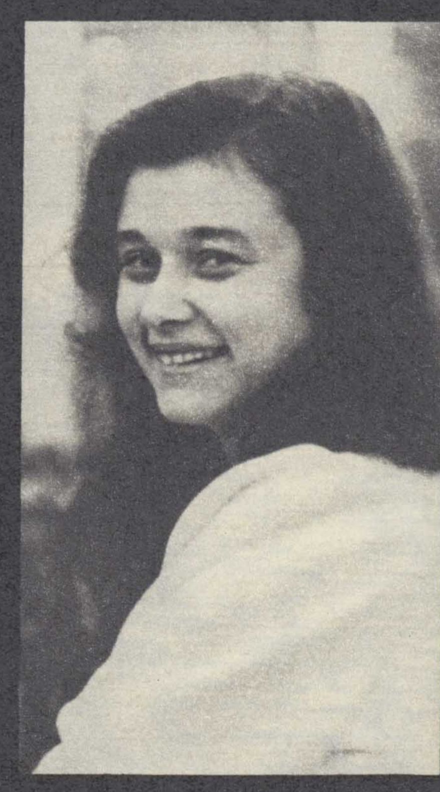
Рига воспета поэтами, о ней слагают песни и по сей день. Любят ее и кинематографисты. Здесь снимались фильмы «Встреча на Эльбе», «Секретная миссия», «Убийство на улице Данте», «На дальних берегах», «Щит и меч», «Семнадцать мгновений весны». Рига принимала облик Парижа и Берлина, Триеста и Берна.

Великий Ян Райнис, народный поэт Латвии, завещал нам такие строки:

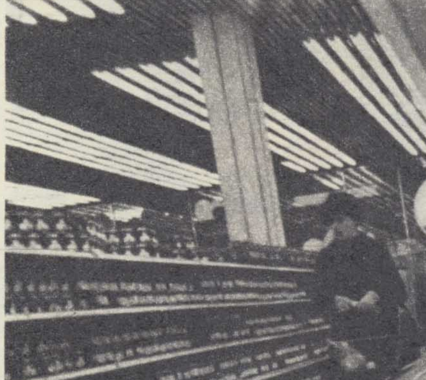
Я Ригу не отдам! Она должна
Лишь тем принадлежать, кто воздвигал
Ее дома и башни, кто кровавый
Лил пот — рубил, пилил, строгал, тесал.
Да! Только те, кто труд свой положил,
Имеют право Ригою владеть!
Трудящимся я сохраню ее!

Рижане любят прошлое своего города — далекое и недавнее. Перед войной на рижском велосипедном заводе «Саркана звайгзне» («Красная звезда») прославился молодой токарь Станислав Колтан. Когда была восстановлена Советская власть в Латвии, он стал депутатом Верховного Совета СССР. Фашисты, ворвавшись в Ригу, убили Станислава. Сегодня «Саркана звайгзне» выпускает мопеды, которые вы встретите у нас и за рубежом. Сейчас в цехах завода кипит особенно напряженный труд, рабочие готовят в подарок XXV съезду КПСС сверхплановую продукцию. Завод оснащен новым оборудованием. Но в одном из уголков сохранен старый станок: скромная табличка напоминает, что на этом станке работал Станислав Колтан. Перед войной я проводил со

Рижанки.

«Минск» в Риге.

Огни улицы Ленина.

Туманное утро.

Станиславом долгие вечера и хорошо помню наши беседы, помню его мечты о творчестве, о больших горизонтах, о полнокровной созидательной жизни.

Теперь — уже без него — сбываются его мечты. Меняется облик города. Меняется и психология человека. Рижанин, живший до войны где-нибудь в районе Юглы, Агенскална или Кенгарагса, считался далеким загородным жителем. Сегодня это обновленные, благоустроенные, полные зелени жилые массивы, куда люди охотно перебираются из старого центра.

Пожалуй, для рижанина наиболее характерным является это органичное сочетание добрых старых традиций — они помнят и чтят старину — с тем новым, что несет советский образ жизни. Когда я встречаю на железнодорожных путях Югославии электрички с маркой Рижского вагоностроительного завода, радуюсь и, вспоминая дни своей юности, сравниваю: тогда в цехах этого завода изготовляли подковы и гвозди. Поверьте, моя радость, радость рижанина,— это не спесь провинциала, это приобщение к жизни иного масштаба, к иному мироощущению. На Рижской киностудии побывал известный японский кинематографист Кёхико Усихара. Войдя в один из павильонов, он был поражен:

— Где встретишь в мире такое, чтобы республика с двухмиллионным населением обладала студией высокого международного класса!

Недавно в Риге в высотном здании электронно-вычислительного центра объединенной Прибалтийской энергетической системы проводилось международное совещание под эгидой СЭВ. Отличная оценка этому сооружению и его оснащению дана известными зарубежными специалистами, и это тоже один из объективных критериев роста республики.

Нелегко растить Ригу. Но ее жители делают это. Бывший ганзейский город с его узкими магистралями стал современным центром, столицей Латвии, западным форпостом Советского Союза.

В давней хронике мы находим сообщение о том, что с Запада «в Ригу устремились купцы и ремесленники, монахи и всякие любители приключений...». Сегодня в Ригу приезжают ленинградские специалисты — верхолазы-высотники, прославленные мостостроители, опытные энергетики. Группа латвийских архитекторов и градостроителей побывала недавно в Москве, где обсуждался план подземного движения в Риге. Продукция рижских заводов идет за рубеж и, конечно, во все советские республики. Но не было бы этой продукции, если бы не шли в Ригу металл Украины, нефть и газ Зауралья, хлопок среднеазиатских республик, станки, машины и аппаратура из городов России. Крепки и плодотворны интернациональные связи Риги с братскими народами СССР, с содружеством стран СЭВ.

Станислав Колтан — о нем я говорил раньше — был бы сегодня наставником молодых рабочих. Таким же, как делегат XXII съезда Компартии Латвии Виктор Жиляев. Жиляев, депутат Верховного Совета республики, награжден орденом Трудового Красного Знамени, его бригада выполнила план девятой пятилетки уже в марте 1975 года. По-жиляевски и, значит, и по-колтановски трудятся слесари экспериментального участка Рижского автобусного опытного завода «РАФ» Х. Берзиньш и В. Мелнбардис — они молоды, но им уже поручают самые ответственные операции.

В Москву на XXV съезд партии поедут и латышские коммунисты, наследники Колтана, они расскажут о том, что уже сделано, и, главное, обсудят будущее страны и будущее Риги.

Будущее. Мы строим его сегодня. Вскоре печатники смогут переехать в новое здание, выросшее на берегу Даугавы,— Дом печати. В нем разместятся редакции, типографии, издательства. Напротив этого здания — за рекой, в районе бывшей цитадели, строится комплекс Дома правительства. Дальнейшее развитие ждет рижскую фармацевтическую промышленность: уже теперь лечебные препараты с маркой Риги пользуются спросом не только в европейских странах, но и в далекой Японии. В Англии звучат рижские проигрыватели, в бельгийских шахтах смонтированы телефонные подстанции ВЭФ.

Рижский Дворец спорта стал ареной больших союзных и международных соревнований, в которых участвуют и латвийские спортсмены. Мы радуемся, когда мелодии популярного у нас композитора Раймонда Паула звучат с эстрады в ГДР, Венгрии, Болгарии, Франции, Швеции и во многих других странах.

Рига, которую мы любим сыновней любовью, не может не строиться. Древняя легенда гласит, что злая ведьма поклялась потопить Ригу, как только город будет построен. Но этому не бывать: рижане всегда будут строить свою Ригу.

ОТ СЪЕЗДА К СЪЕЗДУ

ТОКАМАК ШАГАЕТ В БУДУЩЕЕ

Академик Борис КАДОМЦЕВ, директор Отделения физики плазмы Института атомной энергии имени И. В. Курчатова, отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Марка БАРИНОВА

КОРРЕСПОНДЕНТ. *Борис Борисович, расскажите, пожалуйста, о том, как продвигаются работы, направленные на решение «проблемы века» — создания термоядерной энергетики.*

Б. Б. КАДОМЦЕВ. Это было три года тому назад. Бывший тогда руководителем проблемы управляемых термоядерных реакций, как вы говорите, «проблемы века», академик Л. А. Арцимович писал: «Если мы начинали с плазмы с температурой в 100 тысяч градусов, то теперь дошли до плазмы, температура которой составила 7 миллионов градусов. Это значительно меньше того, что требуется, чтобы поднять температуру еще раз в 15...

...По-видимому, одним из промежуточных этапов будет создание большой установки Токамак-10, которую можно построить к концу пятилетки и в которой температура будет повышена с 7 миллионов градусов до 25—30 миллионов градусов...».

План мы выполнили точно. Токамак-10 построен, и в самом скором времени на нем начнутся плановые исследования. Но чтобы читателям «Огонька» стали ясны трудности нашей работы, позвольте сделать несколько предварительных замечаний.

Чтобы топливо загорелось, нужно его нагреть. Это знают все. Газ загорается, если к нему поднести спичку, нефть надо подогреть посильнее, уголь еще сильнее. А когда речь идет не о химических, а о физических реакциях, то термоядерное топливо (я говорю слово «топливо» условно, упрощенно) надо подогреть до температуры центральной части Солнца, до десятков миллионов градусов! И вот тут начинаются научные и технические проблемы. Одна из них — как найти такой «сосуд», который бы выдержал подобные температуры и не превратился в пар, прежде чем удастся нагреть топливо хотя бы до сотни тысяч градусов, не говоря уже о миллионах?

Сегодня ученые убеждены, что практическое решение проблемы управляемого термоядерного синтеза возможно. Это принципиально важно, потому что еще совсем недавно многие физики сомневались в этом.

Пока мы в течение десятилетий решали теоретические проблемы, пока наши эксперименты не выходили из рамок первоначальных прикидок, расходы на работу оставались в рамках, вполне допустимых для обычных физических исследований. Но как только мы подошли к этапу создания крупных установок термоядерного синтеза, как только началась борьба с одолевавшими нас со всех сторон техническими трудностями, стоимость работ начала стремительно расти.

К сложившемуся за многие годы коллективу ученых-физиков прибавились группы людей совершенно иных профессий — экономисты, инженеры, технологи. Мы стали ближе к практике. Экономисты весьма категорически заявили: если вы хотите создать новую энергетику, такую, чтобы она действительно облагодетельствовала человечество, то будьте добры создать такие машины, которые бы производили электроэнергию не дороже, чем по полторы копейки за киловатт-час! И мы, физики, приняли «социальный заказ».

Вот почему ученые решают проблему по ступеням, а не рвутся сразу к финишу. Мы хотим решить задачу «смешанного синтеза». Создать демонстрационную, полупромышленную установку, обкатать ее. И знаем, что наверняка найдем множество путей для более экономичных решений. А в конечном счете решим и научную и экономическую проблему.

КОРРЕСПОНДЕНТ. *А каковы итоги на сегодняшний день?*

Б. Б. КАДОМЦЕВ. Теперь можно поговорить и об итогах.

Сегодня в мире существуют четыре центра термоядерных исследований. Это США, объединенная Западная Европа (имеется в виду объединенная научная программа европейских стран), Япония и наша страна. Другие страны в силу экономических причин и по научному уровню не в состоянии вести подобные исследования в соизмеримых масштабах. А из четырех групп только у нас и у США имеется долговременная программа исследований в этой области. Но даже и для таких стран, как СССР и США, термоядерные исследования достаточно дороги. И потому огромное значение имело подписание в 1973 году Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и Президентом США Р. Никсоном межгосударственного соглашения о совместных исследованиях СССР и США в области термоядерной энергетики. У нас тесные контакты с американскими коллегами, и это приносит большую выгоду обеим странам.

Как обстоят дела сегодня? Прежде всего обратите внимание, что если бы вы спросили меня об этом в начале прошлой пятилетки, я бы рассказал о научных задачах, которые мы решаем или решили, о физических аспектах проблемы, но никак не об экономических или международных. Это весьма показательно. Мы сегодня переступили **качественный рубеж** в термоядерных исследованиях, подошли к решению **научно-технических** задач по созданию пока еще опытных, демонстрационных установок, но уже прообразов будущих термоядерных реакторов.

С самого начала у руководства термоядерными исследованиями стояли такие крупнейшие физики, как академики Игорь Евгеньевич Тамм, Игорь Васильевич Курчатов, Лев Андреевич Арцимович, и это определило и масштаб, и размах, и отношение к проблеме. Вокруг выдающихся ученых группировалась талантливая молодежь, складывался боевой, дееспособный коллектив термоядерщиков.

Пожалуй, не будет преувеличением, если я скажу, что по многим важнейшим вопросам в этой области мы идем впереди всех в мире. Наши советские установки ТОКАМАК для получения термоядерных реакций признаны лучшими, и именно на эти установки сейчас возлагаются основные надежды.

КОРРЕСПОНДЕНТ. *Что собой представляет Токамак-10, который только что введен в действие?*

Б. Б. КАДОМЦЕВ. Это чисто экспериментальная установка. Но параметры плазмы в ней не так уж далеки от того, что требуется для так называемого гибридного реактора. Дело в том, что если окружить реактор, где идет термоядерная реакция, оболочкой из урана, то выход энергии резко возрастет во много раз, и плазма становится вполне пригодной для практических целей.

Мы назвали такой тип реакторов смешанным или гибридным. Это как бы еще одна промежуточная ступень к решению проблемы, но она позволит нам быстрее создать демонстрационные установки и в условиях, близких к промышленному использованию.

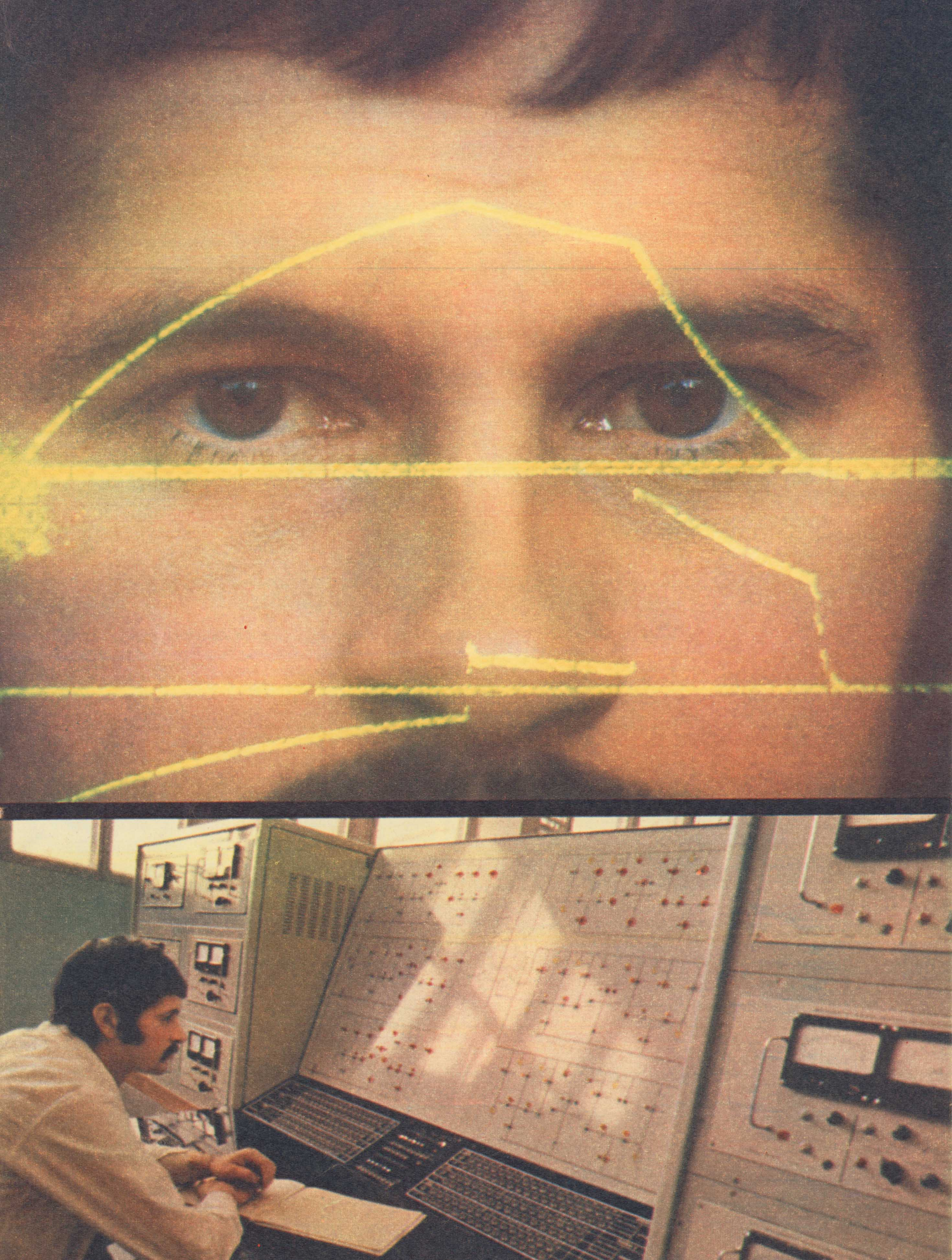
Сейчас, накануне XXV съезда КПСС и в начале новой, десятой пятилетки, мы — коллектив физиков, работающих над решением проблемы управляемого термоядерного синтеза, — можем с полным основанием сказать, что тоже точно определили свою часть работы на предстоящее пятилетие. Продолжая исследования на установке Токамак-10, мы будем готовить создание первой установки, так называемого ДТР — демонстрационного термоядерного реактора. Полагаю, что ДТР будет сконструирован и в значительной степени сооружен в десятой пятилетке, а в следующей, одиннадцатой, мы сможем на нем работать.

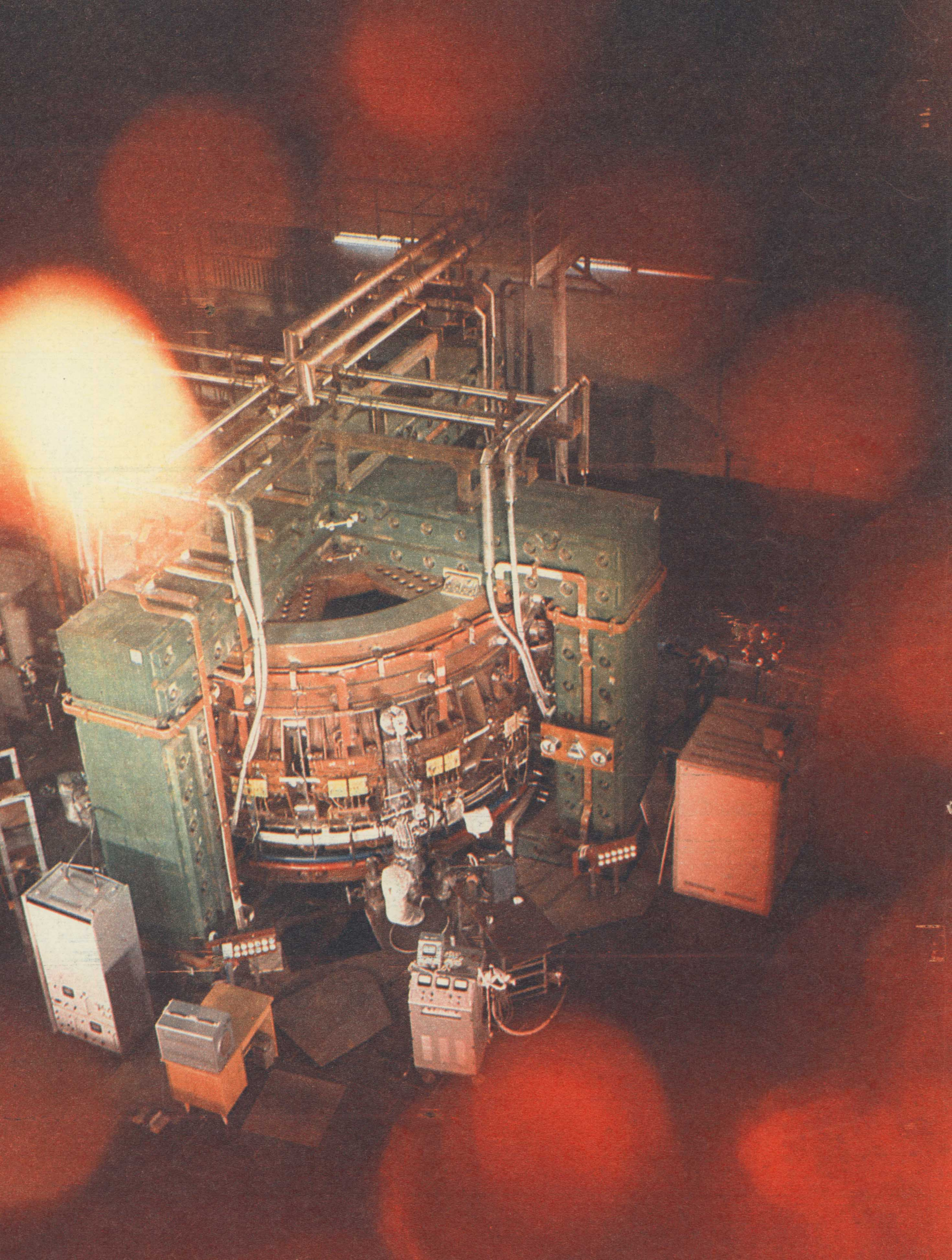
КОРРЕСПОНДЕНТ. *А когда, по вашему мнению, будет полностью решена «проблема века», когда заработает первая промышленная термоядерная электростанция?*

Б. Б. КАДОМЦЕВ. Вы часто употребляете слова «проблема века». Давайте проанализируем этот термин.

О том, что энергетика — одна из основ жизни человечества, одна из основ экономического могу-

Зоркий взгляд исследователя * Инженер службы энергетики Валерий Щедров у пульта управления ТОКАМАК-10.

щества страны, спору нет. Традиционная топливно-энергетическая база — уголь, нефть, газ — на нашей планете имеет свои пределы. И наша страна находится в этом отношении в наиболее удачном положении по сравнению, пожалуй, со всеми другими странами.

В то же время из года в год растет значение и место, занимаемое электростанциями на атомном топливе. Мировых запасов природного урана-235, который и служит этим топливом, видимо, хватит на два-три столетия. Однако сейчас успешно ведутся работы по созданию промышленных реакторов-размножителей на быстрых нейтронах, использующих уран-238, то есть работающих фактически на отходах обычной атомной энергетики. При освоении реакторов-размножителей ресурсы урана автоматически возрастут, потому что будет экономически оправдана разработка бедных месторождений.

Таким образом, если назвать «проблемой века» нечто, заключающее в себе спасение цивилизации именно в нашем двадцатом веке, то применительно к термоядерной энергетике термин окажется неточным. Все обстоит значительно спокойнее, и энергетической катастрофы не предвидится. И тем не менее...

Традиционные виды топлива не устраивают нас по двум причинам. И уголь, и нефть, и газ являются ценнейшими видами сырья для изготовления бесчисленного количества предметов и товаров, необходимых для народного хозяйства и для каждого из нас. Еще Д. И. Менделеев говорил, что жечь нефть — это все равно, что жечь ассигнации. Вторая причина также общеизвестна — засорение окружающей среды. Все больше и больше средств приходится расходовать на защитные системы.

Атомная энергетика безопасна для окружающей среды только при условии, что немалые средства вкладываются в системы защиты от вредных отходов.

Термоядерная же энергетика может быть названа энергетикой будущего, принципиально отличной от существующей (даже атомной), потому что, во-первых, запасов термоядерного топлива хватит на многие миллионы лет, во-вторых, потому, что топливо будет фактически бесплатным — ведь это, попросту говоря, вода, и, в-третьих, термоядерная энергетика будет давать гораздо меньше вредных отходов. И в этой связи мы можем говорить о «проблеме века».

А теперь попробую ответить на ваш вопрос о будущем.

Думаю, что реакторы на синтезе дейтерий — тритий заработают в промышленных станциях уже в этом столетии, то есть через 20—25 лет. Ну, а если заглянуть вперед на полвека, то к тому времени расправит свои могучие плечи большая термоядерная энергетика, основанная на синтезе двух ядер дейтерия, имея неисчерпаемые источники «топлива» в Мировом океане.

■

Термоядерная установка ТОКАМАК-10.

Фото И. Гаврилова

ТАМ, ГДЕ ТРУБЯТ ОЛЕНИ

Р. ЕРМОЛЬЕВА

РАССКАЗ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА

Лет десять не могу выбраться в отпуск раньше осени — так уж складываются обстоятельства. И чем становлюсь старше, чем больше белизны на висках, тем больше люблю это время года с яркой палитрой красок, обилием плодов и нежного, уходящего тепла.

Уже нет того изнуряющего зноя, и не тянет тебя умчаться в дальние края, освежиться в прохладных брызгах морской волны. Осень приносит какой-то особый покой, размеренный ритм, новые надежды, наслаждение каждым прожитым днем. И если раньше пугался возраста, означенного цифрой «пятьдесят», то теперь, достигнув его, по-иному оцениваешь жизнь и убеждаешься, что, как и в природе, ты еще можешь отдать тепло людям и плоды твоего труда приносят пользу. Не будем спорить, какое время года лучше. У каждого оно свое, но мне по душе все же осень.

Еще мальчонкой, живя с семьей в небольшой глухой деревеньке, не раз слышал я, как старшие сестры просили в знаменитый Покров день, в середине октября: «Батюшка Покров, покрой землю снежком, а меня, молоду, женишком!» Глядишь, и сваты появлялись. И неслись разукрашенные свадебные повозки с колокольчиком под дугой из одной деревни в другую. Сейчас говорят: «Чем больше «лошадиных» сил, тем меньше лошадей!» Это так. Но кое-где еще звенят бубенцы и сохранился старинный народный обряд.

А вот в лесу, у животных, все осталось попрежнему, и справляют они свои свадьбы по раз и навсегда установленным законам.

Давным-давно сентябрь носил древнерусское название «рюин». В сентябре с гоном, с ревом начинались оленьи свадьбы и длились весь месяц. Так оно и осталось. Для охотника наступает лучшая пора состязаний, подсчета охотничьих трофеев. Не скажу, что я заядлый охотник, но в это время и меня охватывает азарт. Нет-нет да и выберусь побродить с ружьишком.

Случилось так, что в этом году я оказался в гостях у своего старого фронтового товарища Франтишека Новотного, в Чехословакии. Давно он приглашал навестить его. В юбилейный год тридцатилетия Победы потянуло к боевым друзьям. Летом, разъезжая по стране, не раз навещал бывших однополчан, а осенью решил поехать к Франтишеку, в отпуск.

Франтишек знал, что изредка я беру ружье в руки, достал лицензию и пригласил меня на охоту. Сентябрь на исходе, заканчивались оленьи свадьбы. День, два — и смолкнут в лесах громовые раскаты оленьего рева, стихнут поединки сильнейших.

...В годы второй мировой войны Франтишек Новотный сражался в 1-м Чехословацком корпусе, сформированном в Советском Союзе под командованием Людвика Свободы. Под Харьковом, в бою у Соколова, где чехословацкие воины приняли первое боевое крещение, мы и встретились с Франтишеком и продолжали боевой путь до Словакии. Там меня тяжело ранило, и я был отправлен в глубокий тыл, а Франтишек все двигался на запад, освобождая родную землю от фашистских захватчиков. Ему, можно сказать, повезло. Не изрешетило, как меня, а только плечо задело.

Отгремели пушки, мы вернулись по домам. Я не мог уже встать к доменной печи, где работал до войны: здоровье не то стало. Друзья советовали: «Ты еще молодой, иди учиться!» На фронте не раз приходилось писать во фронтовую газету о боевых подвигах товарищей, вот и решил податься на журналистский факультет. Много с тех пор исписал бумаги, истоптал не одну пару ботинок в поисках материала, протер за столом не одну пару штанов. И всегда меня тянет в новые места, к новым людям.

Франтишек после войны стал работать в лесном хозяйстве. Он поселился в Западночешской области, Карловарского района, в Крушных горах. В это богатое охотничье угодье приезжают люди из разных стран. Сам он редко бьет зверя, чаще добивает подранка...

С последней нашей встречи прошло немало лет. Время изменило нас обоих, но я узнал его коренастую фигуру. Черные, вперемежку с сединой завитки волос и аккуратно подстриженная небольшая бородка делали его привлекательным, а лицо, позолоченное солнцем и продубленное ветром, дышало здоровьем, вызывая зависть у городского жителя.

Встретил он меня в Праге. С ним был сын Милослав — вылитый отец, каким я его увидел первый раз на фронте, только повыше ростом. Милослав — инженер на лесозаводе, постарался отца сделать дважды дедушкой. И вообще семья Новотного не маленькая: два сына, дочь и жена с четырьмя внуками, как любит шутить Франтишек.

Около двух часов в машине — и мы прибыли на знаменитый курорт Карловы Вары. Я не бывал здесь раньше. Франтишек предложил немного размять ноги, а заодно попробовать воду из источников, ради которых сюда съезжаются люди из дальних краев. По всей колоннаде тянулась длинная очередь. Люди медленно, не спеша двигались вперед, держа в руках плоские кружки. Отходя от источника, не торопясь посасывали воду через отверстие в ручке кружки, словно из носика чайника. Прогуливались вдоль колоннады. Почему-то из двенадцати источников к шестому, «Мельничному»,— этой «золотой середине» — стекалось больше всего народу.

Франтишек с досадой махнул рукой.

— Ну их, с этой водой! Если захочешь, приедем в другой раз, а теперь поедем к нам. За тридцать минут доберемся.

Жена Новотного, Божена, встретила нас с улыбкой, слегка прищуривая близорукие глаза. Она провела нас в комнату, что-то сказала почешски мужу и показала рукой на мой чемодан, а затем извинилась и, встряхнув пышными темно-русыми волосами, устремилась в кухню к газовой плите — там протяжно засвистел чайник.

Мы с Франтишеком прошли в соседнюю комнату. Сквозь белоснежные нейлоновые занавески поблескивали стекла чисто вымытых окон. На подоконниках теснились игольчатые клубочки кактусов. В углу небольшой одно-

тумбовый письменный стол, а над ним — полка с книгами.

— В этой комнате росла наша Власта, но и она выпорхнула из гнезда,— пояснил Франтишек.— Располагайся как дома.

В дверях появился Милослав. Пригласил к столу. За ужином засиделись, как полагается старым друзьям, которым есть что вспомнить и о чем побеседовать. Наконец Франтишек сказал:

— Все не переговорим за вечер. Вот дочка с сыном приедут в воскресенье — живут в Хебе. Им тоже захочется послушать тебя. Да и завтра нам рано вставать.

Утром быстро-быстро собрались. В пять часов были уже в лесу. Мой друг шел впереди, пробираясь меж кустов и деревьев так ловко, что я не слышал его шагов. Он будто не ступал, а как бы парил над землей. В утреннем тумане я едва различал его силуэт и еле успевал за ним. Временами он делал мне знак рукой, и мы останавливались. Вот он замер на месте и, глубоко втянув в себя воздух, как бы принюхиваясь, показал рукой в сторону.

Справа хрустнули ветки. Раздался протяжный звук. С противоположной стороны, оглашая лес, донесся такой же трубный отклик. Уже заметно рассвело, и впереди меж высоких сосен и пихт я разглядел поляну. Тяжелый туман начал рассеиваться, и, как в раме из белой пелены, появилось темное пятно. Дымка быстро таяла, и величественный красавец с ветвистой короной предстал перед нами. Навстречу оленю выбежал другой. Два рогача сцепились в горячей схватке. Они норовили поддеть друг друга рогами. То стучали, то скрежетали ветвистые сабли-рога.

Пока шла борьба, пять ланей стояли неподалеку, навострив уши, и наблюдали за битвой — они должны были остаться с победителем. Франтишек кивнул на них. Там появился еще один олень. Он пытался завлечь молоденькую лань, стоявшую поодаль от своих подруг. Лань трепетно поглядывала то на него, то на дерущихся.

Бой разгорался. Рога соперников переплелись, и защитник ланей стал теснить пришельца. Тот медленно пятился, но, собравшись с силой, ринулся в наступление. Вскоре он начал сдавать — противник был сильнее. Почуяв это, теряя силы, пришелец стал выпутывать свои рога, качая головой из стороны в сторону. Олени напирали друг на друга, тяжело дышали. Наконец пришелец взмахнул головой, выдернул свои рога из тисков соперника и скрылся в лесу.

Бой был окончен, но одна лань уходила с третьим. Во мне вскипела злоба. Я вскинул ружье и, несмотря на порядочное расстояние, прицелился через оптический прибор в убегающего рогача. Тишину леса прорезал оглушительный выстрел. Олень подпрыгнул, брыкнул задними ногами и, приседая, скрылся в густых зарослях подлеска.

— Как на фронте!— засмеялся Франтишек.— Тому, кто назад бежал, пули в заднем месте дырки просверливали. Чего же ты раньше не стрелял?

— Боялся лань задеть, а тут такое зло взяло! Из-за нее схватка идет, а она предпочла слабого, не решившегося вступить в равный бой и хитростью завладевшего ее сердцем.

— К сожалению, и у людей такое случается!— улыбнулся Франтишек.

Измученный в битве победитель собрал последние силы и, испуганный моим выстрелом, унесся в глубь леса вместе с ланями.

Мы направились к поляне, где только что было сражение. На месте схватки трава была вытоптана, кое-где валялись клочья шерсти. Там, где пуля настигла оленя, бурыми пятнами выделялась кровь на траве.

— Дальше не пойдем,— сказал Франтишек.— Если станем преследовать, может уйти далеко, а так свалится и угаснет сам. Давай лучше передохнем и закусим.

У кромки леса я присмотрел поваленное дерево и предложил устроиться на нем. Уселись рядышком, плечом к плечу, как когда-то во время короткого привала. Вынув из кармана пачку сигарет, я предложил Франтишеку.

— Спасибо. С тех пор, как пришел в лес, забыл о куреве. Зверь очень чуток, и малейший запах выдаст присутствие человека, а я люблю наблюдать за лесными обитателями. Вернемся домой, я тебе покажу фильмы — профессионалы позавидуют! Здесь такое можно увидеть!

— Еще скажешь — и борода тебе помогает? — пошутил я.

— А что ты думаешь? Вышел я впервые на охоту, гладенький после бритья, одеколончик меня и выдал. А там раз-другой не побрился — борода и отросла. Уже привык и не представляю, каким бы я был без нее.

— Теперь до меня дошло, почему ты меня с вечера предупреждал, чтобы я не брился. А я грешным делом подумал, что время экономить надо.

Я медленно потягивал сигарету. Сгоряча я выстрелил, в азарте. А теперь сожалел о выстреле. Франтишек, должно быть, заметил, стал успокаивать:

— Брось, не надо!.. Какой бой был!

— А знаешь,— сознался я,— такое я видел впервые. Удивительно красиво! Сколько мужества, достоинства в этом поединке! И вообще считаю, что такую красоту человек не вправе уничтожать. Другое дело кабан или заяц.

Франтишек пожал плечами, то ли соглашаясь со мной, то ли возражая. Он достал из рюкзака хлеб, кусок домашнего окорока и положил на небольшую белую салфетку, обвязанную по краям зелеными нитками. Заметив мою улыбку, сказал:

— Жена вышивала походную скатерть.

Еще раз пошарил рукой в рюкзаке и извлек старую солдатскую фляжку с вмятыми боками и две алюминиевые кружки.

— Берегу, как самую дорогую реликвию, и ношу, как талисман! Вот только пью не всегда, но сегодня, да еще с тобой, выпьем.

— А я уже думал, что у охотников сухой закон!— усмехнулся я.

— И пьют и курят! Только после охоты.

Он налил сливовицы в кружки, одну взял себе по-охотничьи, левой рукой, другую протянул мне.

— Давай, Сергей, выпьем за нашу солдатскую дружбу! За то, что выжили! Со свиданьицем, как ты любишь говорить!

Выпили до дна, тепло разлилось по всему телу, Франтишек отрезал — по-нашему — толстый ломоть хлеба, положил на него кусок копченого окорока, подал мне и сказал:

— Как-то я слушал по радио выступление советского писателя, если не ошибаюсь, Алексеева, который сказал, что хлеб — имя существительное, а все остальное — прилагательное. Хорошо говорил о земле и хлебе! У вас хлеба больше, чем у нас, но и едоков свыше двухсот пятидесяти миллионов.

— Хлеба на Руси хватит!— заметил я.

— Скоро и у нас своего хлеба будет достаточно: сейчас крепко мы за сельское хозяйство взялись!

Выпили еще немного. Стало совсем тепло, разогрелись после утреннего тумана. Солнце поднялось над лесом.

— Вот теперь и оленя поищем,— предложил Франтишек.

Он ориентировался в лесу лучше, чем я в своей трехкомнатной квартире. Он сворачивал с тропы на тропу, на ходу делал на деревьях особые, одному ему ведомые заметы и совсем неожиданно выкапывал из-под опавших листьев грибы, похожие на наши боровики. Рюкзак быстро наполнялся, и я предвкушал хороший обед. Однако стал беспокоиться, что, увлекшись грибами, Франтишек забудет о нашем олене.

Неожиданно мы оказались у небольшого озера. Лес подступал к нему со всех сторон.

— Жаль, удочки нет!— сокрушался я.

— Не жалей. Это озеро мертвое, в нем рыба не водится.

— Что же это за озеро?

— Разное говорят... Железа в нем много. А возможно, рудники повлияли. Здесь в давние времена чего только не было: и серебро, и цинк, и урановая руда... Многое можно рассказать про этот край.

— А почему ваши места называют «Крушные горы»?— поинтересовался я.

— Перед войной здешние земли входили в так называемую Судетскую область. Наш народ работал на немецких графов, добывая им золото и руды, а сам жил очень бедно, люди еле концы с концами сводили. Маленькие участки земли среди лесов и холмов не могли прокормить, и народ вечно испытывал недостаток. Не баловал и климат. За сутки тут погода меняется так часто, что трудно сказать, какой был сегодня день: солнечный или дождливый, теплый или холодный. А «крушить» — это значит «добывать», добывать-то здесь было что, только принадлежало не нам. Климат мало чем изменился с тех пор, а вот жизнь стала иная...

Мы обошли озеро стороной и оказались в молодом ельнике. Нет, это пихты. В лесах растет пихта, но называют ее почему-то елью. Название, очевидно, пришло от русских.

Пока двигались по хорошо просматриваемой местности, Франтишек был разговорчив, а тут вдруг примолк, стал всматриваться и, раздвигая руками кустарник и молоденькие пихточки, обшаривал каждый куст. Чутье не подвело охотника. Только сделали несколько шагов — увидели оленя.

— Я всю дорогу волновался, найдем его или нет,— сказал Франтишек.

— Почему же?— удивился я.— Ты шел так уверенно, что я совсем не сомневался.

— Однажды мы здесь охотились с товарищем из Праги. Подранок ушел к озеру и на наших глазах увяз в болоте: жижа его засосала. Когда твой олень туда направился, я вспомнил о том случае, но, к счастью, все обошлось.

— Так ты про рыбу все сочинил и специально увел меня от болота?

— Рыбы там точно нет. Еще ни один рыбак не поймал ни одной рыбешки, а от болота увлек намеренно, с ним шутки плохи.

Мы подошли к оленю. Он лежал на боку, гордо закинув голову, и печальным, застывшим взглядом смотрел на нас.

Я вслух пожалел рогача.

— Не ты, другой бы подкараулил его. Жизнь оленя, к сожалению, не так уж долга. И пусть уж лучше звучат такие мирные выстрелы, чем те, что мы с тобой пережили.

Франтишек подошел к оленю, взял его за рога, похлопал по шее и, проведя рукой по бедру, нащупал рану. Отломив веточку пихты, положил в рот оленя. Это обычай. Надо дать последнюю пищу оленю. Вторую веточку омочил кровью убитого животного и воткнул мне за ленточку шляпы в знак того, что охота была удачной.

— Сколько же мы с тобой отмахали сегодня?

— В общей сложности километров пятнадцать, да олень ушел от нас километра за два,— ответил Франтишек.

Я стал уверять его, что после того, как услышал трубный рев оленей и увидел бой, больше не подниму руку на это благородное животное.

— Из всего живого, что есть на земле, самым благородным должен быть человек... Знаешь, что тут творили фашисты, здесь, где трубят олени?— вполголоса проговорил Франтишек.

Мы устроились на пнях. Я закурил, не предлагая Франтишеку. Он посмотрел на сизоватый дым сигареты и попросил:

— Дай и мне!

— Ты же не куришь!

— Иногда балуюсь.— Он глубоко затянулся.— Видишь слева развалины, поросшие травой и кустарником? — начал он.— Там стояли бараки военнопленных. Жили в них поляки... Уже в июле сорокового года их стали свозить сюда и использовать на стекольных и фарфоровых заводах в Нове-Седло, на шахтах в Ролаве, на каолиновом заводе в Седлице, на железнодорожных и сельскохозяйственных работах. Позже появились украинцы, русские... Их использовали на более тяжелых работах и содержали в ужасных условиях.

У Франтишека погасла сигарета, но он не замечал и все продолжал подносить ее к губам.

— Наши антифашисты боролись на фронте и в тылу. Одни сражались вместе с войсками Красной Армии в рядах 1-го Чехословацкого корпуса, другие — в подполье. Подпольщики стали действовать еще решительнее с приближением краха гитлеровской Германии. Фашисты, убегая, бросали оружие, а наши подпольщики им вооружались. Мой дядя, брат отца, находился в это время в Пернинке и расска-

зывал, как шестого мая 1945 года подпольщики и освобожденные военнопленные арестовали нацистов в Пернинке и задержали руководителя СС Финка, который уничтожил 230 советских военнопленных, работавших на оружейном заводе в городе Иоганнгеоргенштадте. Двести человек были расстреляны из пулеметов, а остальных 30 человек Финк приказал столкнуть в яму и сам убил их...

Среди арестованных нацистов один рабочий нашего лесного хозяйства, Богуш Вюст, узнал Финка и сообщил подпольщикам. Народный гнев покарал Финка. Восьмого мая 1945 года его повесили на базарной площади. Народ ходил смотреть на фашиста, который собственноручно замучил сотни людей...

Захваченных нацистов заставили разгребать землю и доставать оттуда погубленных советских военнопленных. Их останки были похоронены со всеми почестями в братской могиле в Пернинке. В последний путь их провожали оставшиеся в живых советские и иностранные военнопленные, местное население и антифашисты.

Франтишек отбросил потухшую сигарету и посмотрел на меня.

— А ты говоришь — оленя жалко! Всякое живое, безобидное существо убивать не совсем этично, но ты пойми, у нас, работников леса, есть свои правила и порядок, и мы их соблюдаем. Ради оздоровления животного мира иногда приходится вести отстрел.

Рассказ Франтишека не выходил из головы. Не знаю, сколько я выкурил сигарет... Не заметил, как Франтишек снова налил сливовицы.

— Давай выпьем. Нам с тобой много пришлось похоронить боевых товарищей. Почтим их память!— предложил он.

Выпили молча. Глоток сливовицы был кстати — горло пересохло. Давно отгремела война, а о людских страданиях военной поры долго еще будем слышать...

— Пойдем, Сергей, нас уже заждались. Недалеко есть охотничий домик, мои приятели хотят познакомиться с тобой. Посидим помужски. Я уверен, они тебе понравятся, а за оленем приедут.

Нас встретили шумно. Еще издали, разглядев зеленую веточку на моей шляпе, кто-то побежал к сложенным в конус поленьям и зажег костер в честь удачной охоты. Протянув вперед руки, к нам быстро шел человек лет шестидесяти, с большими залысинами, с круглыми, как пуговицы, и весело блестевшими глазами.

— Сам Йозеф Богунек приехал,— шепнул мне Франтишек.— Наш директор.

Я не успел опомниться, как оказался в его крепких объятиях. Он громко говорил почешски и так же громко смеялся. Наконец, выговорившись на родном языке, он обратился ко мне по-русски:

— Хорошо, хорошо! А мы думали, у вас неудача, оттого и задерживаетесь. Теперь вижу, все в порядке.— И он посмотрел на шляпу.— Идемте, идемте, мы все с голоду умираем.

Возле дома полыхал костер. На длинные прутья нанизывались надрезанные по краям шпекачки — нечто вроде наших сарделек, но куда вкуснее,— их тут же жарили на костре. Для «сугрева» выпили по стакану «чешского чаю» — кипяток с ромом. Кто-то пошутил:

— Если бы в ром налили воду, то испортили бы ром, а поскольку в воду наливали ром, то от этого вода стала только лучше.

Покончив с церемониалом, вошли в уютный бревенчатый домик. На стенах развешаны охотничьи трофеи: рога оленя, муфлона, клыки кабана. Длинный дощатый стол с двумя деревянными скамейками вдоль него. На деревянных блюдах лежали нарезанная ветчина, колбасы, окорок. Небольшие стаканчики быстро наполнились водкой. Водка была наша, знакомая — «Столичная». Сначала пили без тостов. Видно, и впрямь все изголодались, пока мы бродили по лесу. Говорили все разом. Затем стали пить за всех, кто сидел за столом, больше всего за меня, как гостя, за Москву, за дружбу. Встал Йозеф и, обращаясь ко всем, произнес:

— Я скажу тост, как говорится, из другого горшка. Мне приятно, что встретился с человеком, который во время войны громил врага, а теперь воспевает трудового человека. Каждый имеет в жизни свой роман, но никто так его не напишет, как он сам: ведь он же его и пережил.

Мне стало ясно, что Франтишек все обо мне рассказал; и о том, с чем пришлось в жизни столкнуться, и о том, чем я сейчас занимаюсь.

— Директоров лесных заводов на свете много,— продолжал Йозеф,— а хороших только два: я и мой зам! — Он кивнул на Франтишека.— Все дружно засмеялись: по всему видно, что здесь любят шутить.— Так выпьем водкумолодку еще за одного хорошего охотника, за нашего друга Сергея Ивановича!

Все поднялись и запели песню во славу охотника. Шум нарастал. Одна песня сменялась другой. Я заикнулся было о том, что пора бы и закругляться. На это Йозеф ответил:

— Не бойся, пьяных не будет! Однажды мне налили поллитровый бокал водки, и я выпил. Пьяный не был, но был какой-то... вафельный.

Вдруг Йозеф посерьезнел и, повернувшись ко мне, приподнял густые, с надломом брови. Заговорил:

— Вот он, он и я,— он показал на сидящих за столом,— во время войны находились в подполье. Однажды нас накрыли фашисты,— выдал кто-то из нацистских пособников. Мы оказались в концлагере. Были там и ваши ребята. Они всегда говорили нам: «Держитесь, наши обязательно придут, и мы вместе построим новый мир!» И действительно, пришла ваша армия и освободила нас. Скажи, Сергей, своим друзьям, что мы никогда не забудем, что сделали советские люди для нас, для нашей родины. В концлагере я потерял все зубы, теперь они у меня металлические. Так вот, я готов этими самыми зубами перегрызть глотку тем, кто пытается очернить нашу дружбу.

За столом притихли, будто и не пили и не шутили только что. Йозеф закурил и после нескольких затяжек, погасив сигарету, продолжал:

— В лесах, где сейчас трубят олени, во время войны полегло немало ваших и наших солдат. В апреле 1948 года я был свидетелем похорон семи солдат на кладбище в городе Нейдек. Троих выкопали у деревни Елени. Установили, что они являлись бывшими солдатами Чехословацкого корпуса. На одежде обнаружили надписи STALAG — IX — G (Staatslager) и номера 55110, 55385, 298281. У одного в кармане пиджака обнаружили купоны, что ходили в столовой концлагеря в Бухенвальде. Остальных четверых нашли у села Халоупки. Были они в лагерной одежде, но поверх еще и гражданская. А на одном из них военный плащ с русскими пуговицами, со звездочкой, серпом и молотом. Видимо, все они бежали из лагеря и были убиты немцами в апреле 1945 года.

А сколько здесь еще можно найти холмов, заросших травой, под которыми останки неопознанных жертв... Это могут быть те, о ком сообщили родным и близким, как о пропавших без вести...

Йозеф задумался, подошел к окну и устремил свой взгляд далеко-далеко. Сейчас он был, должно быть, в сорок восьмом... в сорок пятом... а может, в сорок первом году. Вот он выпрямился, хлопнул ладонями по коленям и, как бы сбросив с себя воспоминания, вернулся снова к столу.

— А оленя не жалей! Что олень? Животное...

За окном сгущались сумерки. Все вышли провожать меня. Я пообещал Йозефу, что обязательно еще приеду в эти края.

ВПЕРЕДИ – ИНСБ

Михаил МАРИН.

Фото Ю. МОРГУЛИСА и Ю. ТЕУША

Свою олимпийскую жизнь наши конькобежцы начинали на... льдине. Было их там одиннадцать человек: Е. Гришин, Р. Грач, О. Гончаренко, Б. Шилков, Ю. Михайлов, Ю. Сергеев, Д. Сакуненко, В. Шилыковский, Р. Меркулов, Б. Цыбин и Б. Якимов. И было это ровно двадцать лет назад, в январе 1956 года, в Италии, в Кортина д'Ампеццо, на седьмых по счету зимних Олимпийских играх.

Хитроумные хозяева Игр решили не тратиться на строительство олимпийского катка, не замораживать, так сказать, лиры. Они вырубили на замерзшем озере Мизурина огромную льдину, вычертили на ней четырехсотметровые овалы беговой дорожки, льдина мирно покоилась на озере, а по ней мчались к медалям лучшие скороходы мира. И среди них — одиннадцать наших, олимпийской истории до тех пор неизвестных парней (конькобежный олимпийский турнир был тогда монополией мужчин).

Если организаторам удалось сэкономить на строительстве катка, то конькобежцы заставили их раскошелиться на одну лишнюю золотую медаль. Евгений Гришин и Юрий Михайлов показали лучшее и одинаковое время на дистанции 1500 метров и вдвоем поднялись на верхнюю ступень олимпийского пьедестала, где стоять им было, как говорил Гришин, и не тесно и не обидно. Произошло это на третий день, а уже в первый день после забегов на 500 метров двое наших заняли места на пьедестале — чемпион Олимпиады Е. Гришин и вице-чемпион Р. Грач. И на второй день после 5 000 метров, которые выиграл Б. Шилков, он не в одиночестве стоял на пьедестале, рядом с ним был его друг О. Гончаренко, занявший третье место.

Только на последней дистанции турнира — 10 000 метров — мы остались без «золота», но не без медали: Олег Гончаренко получил свою вторую «бронзу». А теперь подсчитаем: четыре золотых, одна серебряная и две бронзовые медали оказались на лицевом счету дебютантов. Вот как мы начали двадцать лет назад свою конькобежную олимпийскую историю. Но и в далеком Скво-Вэлли, на восьмой Белой Олимпиаде, наш «урожай» оказался высоким. Советские скороходы получили шесть золотых медалей — по две у Е. Гришина и Л. Скобликовой, по одной у В. Косичкина и К. Гусевой, а кроме того, получили три серебряных: Н. Донченко в женском спринте, В. Стенина на дистанции 3000 метров, В. Косичкин — 10 000 метров, Р. Грач по старой привычке стоял рядом с Е. Гришиным, заняв в беге на 500 метров третье место, а Б. Стенин от жены отставать не пожелал — стал олимпийским бронзовым призером. Итого: одиннадцать медалей и больше половины из них — золотые!

Приятно вспомнить и третье наше олимпийское выступление — в Инсбруке-64. Олимпиада по счету была девятой, но известна истории больше как «олимпиада Скобликовой». Лида свершила на тирольском льду то, что до нее не сумел сделать никто, после нее тоже и, думаю, что никто и никогда не сделает: советская спортсменка завоевала все четыре золотые медали. А кроме нее, золотую медаль добыл Антс Антсон на дистанции 1500 метров, серебряными призерами стали И. Егорова, причем дважды, В. Стенина, Е. Гришин и В. Орлов, бронзовыми — Т. Сидорова и Б. Колокольцева.

Да, самый большой сбор медалей был у наших конькобежцев в Инсбруке — двенадцать. Увы, это — последнее приятное конькобежно-олимпийское воспоминание. В Гренобле в 1968 году наша сборная имела в своем составе шестнадцать человек, но лишь один скороход добыл для команды три очка, полученные за четвертое место. И кто бы, вы думали, добыл эти три хилых очка? Евгений Гришин! Тот самый Гришин, которому было уже без малого тридцать семь лет, тот самый Гришин, на счету которого было уже четыре Олимпиады и пять медалей. А у женщин одна Людмила Титова сумела дважды подняться на пьедестал — один раз за золотой медалью, другой — за серебряной.

Казалось, что хуже быть не может, что дальше ехать некуда, но прошло еще четыре года, и наши конькобежцы приехали уже совсем к разбитому корыту: в Саппоро хоть они и получили три медали, но впервые остались без олимпийского золота.

С тех пор прошло еще четыре года, и конькобежцы снова собираются на Олимпиаду, снова в Инсбрук, город их последней олимпийской победы. Что же изменилось за это время в семье скороходов? Сразу скажу: многое изменилось. Пришли новые спортсмены. Уже в Саппоро из гренобльского призыва добрались только трое — Л. Титова и два Валерия, Лаврушкин и Муратов, а затем в сборную приходило так много конькобежцев (прежде всего мужчин), что всех их просто не упомнить, но результаты все снижались и снижались.

Сначала в нашей мужской команде, которая выезжала на чемпионаты Европы и мира, был полный комплект — по пять человек, но с каждым годом наши мужчины без боя уступали соперникам вакантные места, не попадая в группу сильнейших. Дошло до того, что возить на чемпионаты стало просто некого. Во всяком случае, четыре года назад тренерский совет так и не нашел второго, кроме Лаврушкина, конькобежца, который бы мог стартовать в Саппоро на дистанциях 5 000 и 10 000 метров. Да и спринтер был у нас только один — В. Муратов.

Приходили в команду многие молодые скороходы и очень способные. Им сразу же вручали форму сборной и везли их на международные соревнования всех рангов и при этом говорили, что побед от них сегодня не ждут, что их везут «обстреливать». Но их, как сказал мне известный в прошлом скороход Эдуард Матусевич, возили не на «обстрел», а на «моральный расстрел». Новичков, которые нюхать не нюхали настоящего «конькобежного пороха», соперники били нещадно. Так с первых шагов новички привыкали к роли статистов на международной конькобежной арене, и каждый их мизерный успех (скажем, шестое место на одной из дистанций многоборья) выдавался тренерами сборной тех времен чуть ли не за великую победу.

Теперь все иначе. Теперь девиз такой: «Если участвовать, то побеждать». Мне такой девиз по душе. Я видел, как обосновывались в сборной новые ребята: В. Иванов, В. Варламов, Ю. Кондаков, С. Марчук, С. Рябьев, А. Цыганков, Е. Куликов, А. Сафронов, В. Кащей. Все они были другой закваски. Победной, я бы сказал. И в этом большая заслуга тренеров команды Б. Барышева и К. Кудрявцева.

Долго ждали побед от наших мужчин и наконец в прошлом году дождались.

В. Варламов и Ю. Кондаков сокрушили на льду Медео два казавшихся непоколебимыми рекорда самого голландского аса Арда Схенка на 5 000 и 10 000 метров. Е. Куликов поддержал их, пробежав 500 метров за 37 секунд. Еще год назад такое время было из области фантастики!

К рекордам наши мужчины пришли через два перевала, которые они довольно успешно преодолели: чемпионат Европы и мира. И вот в прошлом году в Голландии, в Херенвейне, на первенстве Европы, наши мужчины выигрывают медали на отдельных дистанциях. Говорят, лиха беда начало. С первенства Европы сборная едет на чемпионат мира в Осло, и там В. Иванов становится вице-чемпионом в многоборье, а Ю. Кондаков — третьим призером.

Так был взят неприступный пьедестал. Так началась атака. А на спринтерском чемпионате мира эта атака завершилась полной победой наших скороходов — они «оккупировали» весь пьедестал: первым поднялся на него А. Сафронов, за ним Е. Куликов, а на третью ступень встал В. Муратов.

Конечно, чемпионами все стать в Инсбруке не смогут, но наши скороходы мечтают о чемпионском жезле, как о нем мечтали их славные предшественники — участники нашей первой Олимпиады на озере Мизурина. Я вспомнил об олимпийском катке на озере в Доломитовых Альпах, когда приехал в Медео и увидел наших скороходов на искусственной ледяной дорожке, которой сейчас нет равной в мире. Естественный лед Медео был и раньше плацдармом, на котором наши конькобежцы готовились к Олимпиадам 1956 и 1960 годов. И в Инсбрук поедет поколение скороходов, которое родилось на Медео, но это уже другое Медео — новый великолепный стадион. Спасибо за Медео людям, которые построили уникальный искусственный каток и были удостоены за это Государственной премии. Я хорошо знаю этих людей, знаю, как дороги им лауреатские медали, как дорого для них признание их труда и мужества. Они ждут от наших конькобежцев в Инсбруке олимпийских медалей, и конькобежцы об этом знают. Знают они и о том, что оправдать надежды болельщиков в Инсбруке будет не легко. Затишья перед олимпийской бурей не бывает, идут прикидки, соревнования, и результаты говорят о том, что сильнейшие скороходы мира подходят к Инсбруку во всеоружии.

Как всегда в олимпийские годы, в отличной форме американские спринтеры П. Мюллер, Д. Иммерфол и Д. Керрол. Несмотря на уход из спорта двух прославленных голландских асов А. Схенка и К. Феркерка, можно ждать появления новых молодых конькобежцев из этой страны. Судя по всему, хорошо подготовлены шведские конькобежцы, которых, кстати, готовит к выступлениям в Инсбруке сам Феркерк. Как и обычно, большую силу будут представлять наши традиционные соперники — норвежцы Я. Э. Стурхолт и С. Стенсен, они реальные претенденты на олимпийское золото.

На трех последних Олимпиадах скороходы ГДР не поднимались на пьедестал почета, но теперь у наших друзей появились подающие большие надежды спортсмены. Одного из них наши конькобежцы хорошо знают, он тренировался вместе с ними на Медео — это отличный молодой многоборец Клаус Вундерлих. Хорошо может проявить себя универсальный скороход, отлично выступающий на всех дистанциях от 1500 до 10 000 метров, Х. Оме. Можно ждать сюрпризов и от японцев. Они всегда были сильны только в спринте, но теперь на место среди лучших стайеров претендует их товарищ по команде Масаюке Калахара.

Прошлой весной на Медео наши конькобежцы крушили один за другим мировые рекорды, и теперь почти на всех дистанциях у мужчин и все рекорды у женщин принадлежат нам. Перечеркнуть их сегодня просто невозможно — основные соревнования проходят на равнинных катках и, конечно, до медеовских результатов образ-

РУК !

ца весны-75 добраться вряд ли кому под силу. Все это прекрасно понимают, но так или иначе, а в Инсбруке мастерство, накопленное во время штурма рекордов, очень пригодится.

Вот одна из «крестниц» Медео — Татьяна Аверина. Сегодня ей принадлежат все мировые рекорды, кроме одного. Она появилась в сборной уже после Гренобля и в прошлом году стала вице-чемпионкой мира. А сегодня Аверина — бесспорный лидер женской команды. От нее можно ждать побед и на коротких и на длинных дистанциях. Конечно, рекорды не могут быть гарантией олимпийской победы, но никто, кроме Татьяны Авериной, не познал таких огромных скоростей, и в этом ее преимущество

В женском спринте попробует свои силы не только Аверина. Рядом с ней будут олимпийская чемпионка Л. Титова, серебряная медалистка Саппоро В. Краснова и олимпийская дебютантка Л. Садчикова.

В команду, которую готовил к Олимпиаде в прошлом один из сильнейших многоборцев мира, а ныне известный тренер, Б. Стенин, входит Н. Статкевич, участница Олимпиады в Саппоро и дебютантка Л. Анкудимова. Она, так же как и Статкевич, типичная многоборка и может хорошо выступать на всех дистанциях. Именно она внесла смуту в душу Авериной, выиграв у нее бег на 500 метров в декабре в Коломне. И надо сказать, что у Авериной есть основания для волнений: в Инсбруке ей и ее подругам по команде придется встретиться с такими выдающимися скороходками, как американки Ш. Янг и Л. Полас, спортсменками из ГДР чемпионкой мира К. Кессов, Х. Ланге и У. Дикс, канадками С. Бурка и К. Пристнер, и не исключено, что и знаменитая А. Кейлен-Деелстра, заявившая, что уходит из спорта, появится на олимпийском льду.

Я не собираюсь перечислять всех кандидатов на олимпийскую победу, важно одно: если перед Олимпиадой в Саппоро наш тренерский совет искал и не мог найти второго стайера, то в январе 1976 года перед тренерами стояла другая задача, не менее сложная: «Кого не брать?» — так много сейчас равных по силам кандидатов.

Да, живы коньки! У нас есть признанные лидеры, есть и такие, кто наступает лидерам на пятки. При такой ситуации всегда можно надеяться на успех. В одиночку можно выиграть одну дистанцию, как выигрывал, например, спринт на двух последних Олимпиадах дантист из ФРГ Келлер, но проиграть отрядом нельзя. И потому я не хочу прочить победу кому-то одному, я верю в успех большого и дружного отряда советских скороходов.

На Белой Олимпиаде в Саппоро Вера Краснова стала серебряным призером на дистанции 500 метров.

Почти все мировые рекорды принадлежат Татьяне Авериной.

Юрий Кондаков установил рекорд на 5 000 метров.

Быстрее Евгения Куликова никто не бегал на коньках: 500 метров за 37 секунд!

Виктор Варламов — первый стайер страны.

СЕРДЦЕ КОРВАЛАНА

Кинокамера не бесстрастна. Она может оправдывать и обвинять. Этот фильм — обвинение.

«Сердце Корвалана» — продолжение латиноамериканской трилогии: «Пылающий континент», «Чили. Время борьбы, время тревог», «Камарадас. Товарищи»,— за создание которой народный артист СССР Роман Кармен был удостоен Государственной премии СССР.

Новый фильм является в биографии режиссера развитием главной, антифашистской темы его творчества.

Фильм начинается интервью с сыном Корвалана, юным Луисом Альберто Корваланом. Он прошел все круги фашистского ада. Его подвешивали вниз головой, пытали электрическим током, топтали сапогами, задавая один и тот же вопрос: «Ты любишь своего отца?»

— Люблю...

Он сидит перед микрофоном и вспоминает об отце.

— Я был совсем маленький... В период диктатуры Гонсалеса Виделы мой отец прошел через концлагеря, скрывался от полиции... Мои детские воспоминания: отец с дедом строят дом из глины в пролетарском квартале, в пригороде Сантьяго. Бедность. Но и дружба с людьми...

Когда съемки фильма подходили к концу, из Софии пришла трагическая весть: Луис Альберто Корвалан умер от инфаркта. Вместе с тысячами людей мы провожаем его в последний путь... Камера Романа Кармена и здесь дает зрителю полноту чувств.

Отцу не разрешили проститься с сыном. Не было на похоронах и матери: она знала, что снова ее не пустят в Чили.

— Все домашние дела лежали на плечах матери. А жили мы нелегально: я даже в школу ходил под другим именем,— продолжается рассказ Луиса о Корвалане. Настоящее имя его отца в то время знали лишь немногие, самые близкие товарищи.

Незадолго до военного переворота журналист Эдуардо Лабарка спросил Корвалана, боялся ли он тюрьмы. Луис ответил: «Я уже прошел через многие испытания и всегда исходил из предположения, что в моей жизни не исключены ни аресты, ни пытки. Но это отнюдь не означает, что ты этого хочешь».

Этого хотели те, кто боялся и ненавидел Корвалана!

Во весь экран — газетная страница с портретами руководителей партий Народного единства; среди них — Корвалан; хунта обещает за его голову полмиллиона эскудо. И снова арест и пытки.

Досон — остров в Магеллановом проливе. Здесь, у ледяного порога Антарктиды, самый страшный концлагерь в Чили. Известный архитектор Мигель Лаунер, несколько месяцев находившийся в одном бараке с Корваланом, сказал советским кинематографистам:

— Досон — это место не для жизни, а для смерти... Температура в бараке обычно 10—18 градусов ниже нуля. На Досоне мы выполняли непосильно тяжелую работу. Но в отношении Лучо тюремщики проявляли особую злобу...

На экране мы видим рисунки Лаунера, сделанные в концлагере, изображающие Корвалана.

В феврале 1974 года бразильскому корреспонденту Антонио Прадо разрешили взять интервью у руководителя чилийских коммунистов. Журналист спросил, может ли он говорить, ведь рядом находилась охрана, стоял комендант лагеря. Корвалан, седой человек в стареньком пончо, окруженный сворой охранников, ответил журналисту: «Коммунистическую идеологию нельзя уничтожить, и это было доказано столько раз, сколько враги трудящихся и предатели народа пытались задушить ее. Это будет доказано еще столько раз, сколько потребуется».

Слова Корвалана подтверждены всей его жизнью. Подтверждены всем, что он выстрадал, и снова мы слышим его, видим его близко.

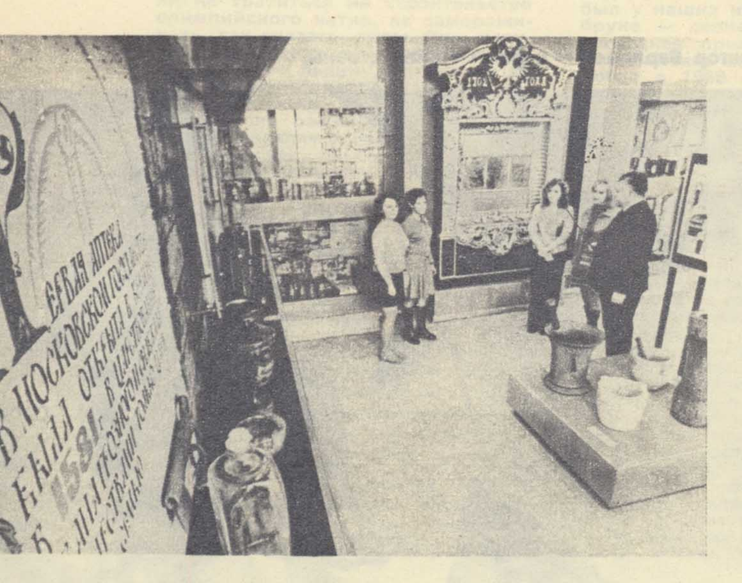
«Моя первичная партийная организация» — так Корвалан с улыбкой называл свою семью. На экране — маленький дом, купленный для партии чилийских коммунистов поэтом Пабло Нерудой. Роман Кармен не раз встречался здесь с товарищем Лучо.

В фильме Р. Кармена речь идет не только о политическом деятеле большого масштаба. Но еще и о человеке.

Человек и коммунист... Эти понятия неразрывно слиты в фильме «Сердце Корвалана».

В. ВАРЖАПЕТЯН

НЕОБЫЧНЫЙ МУЗЕЙ

Это необычный музей. Он рассказывает о том, как лечились наши предки, как избавлялись они от недугов. Экспозиция московского музея при аптечном научно-исследовательском институте показывает историю создания и применения лекарств, развития аптечного дела. Ведет нас по залам директор музея В. М. Сало. Показывает идолов и амулеты — это тоже кусочек истории борьбы человека с болезнями.

На стенде — изображение Асклепия (чаще его называют Эскулапом) со своими дочерьми Гигиеей и Панацеей, клятва отца медицины Гиппократа, драгоценные книги Галена. Первая в мире аптека распахнула свои двери в Багдаде в 745 году, задолго до сказок Шахразады. В России аптека появилась при Иване Грозном. Лекарства для двора. Прочие пользовались зеленными и москательными лавками.

В 1701 году Петр I разрешил открыть в Москве восемь аптек, предоставив им большие льготы. Аптекам позволялось использовать на своих документах, сигнатурах и упаковках государственный герб, они освобождались от налогов и сборов, воинских постоев и других повинностей. Тогда не существовало стандартов, но медикаменты отвечали определенным нормам. Может, с того времени и пошло выражение «точно, как в аптеке».

Из зала в зал, из одной эпохи в другую. От первых лекарств до мощной химико-фармацевтической промышленности. В здании работает экспериментальная аптека. Просто загляденье! Новейшее оборудование. Новь и старина! Все полезное, что можно взять из древности,— травы, коренья. Тут же новинки лекарственной химии.

...Хорошо бы пореже ходить в аптеку, а на лекарства смотреть только в музее. Его адрес: Москва, улица Красикова, 34.

Н. БУМАГИНА

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

В фельетоне «Я жду отвода...» («Огонек» № 27, 1972 г.) критиковался за сутяжничество и создание нездоровой обстановки в коллективе водитель Сухумского легкового таксомоторного парка М. М. Дисковский. Фельетон строился на основании имевшихся в местных организациях документов, которые не отражали объективно существа дела.

В дальнейшем партийные органы Абхазской АССР вернулись к рассмотрению дела тов. Дисковского. 28 ноября 1974 года бюро Абхазского обкома Компартии Грузии приняло постановление, в котором указано, что при рассмотрении ранее поданных жалоб и заявлений тов. Дисковского местные органы г. Сухуми проявили поверхностный подход, не разобрались в существе дела. За формальное отношение к расследованию жалоб рабочего ряд должностных лиц решениями Абхазского обкома и Сухумского горкома партии строго наказан.

В то же время ввиду того, что при рассмотрении его заявлений в партийных органах тов. Дисковский вел себя неправильно, самовольно оставил работу, ему был объявлен выговор.

Редакционная коллегия журнала «Огонек», вернувшись к рассмотрению фельетона «Я жду отвода...», указала отделу сатиры и юмора, готовившему фельетон к печати, и нештатному автору, писателю Г. Осипову, на неоправданно резкий тон фельетона и недостаточную проверку использованных в нем фактов. Редколлегия обратила внимание редакции на необходимость повышения взыскательности и строгой проверки фактов при подготовке выступлений журнала.

САТИРЫ СМЕЛЫЙ ВЛАСТЕЛИН

Среди книг, вышедших к юбилею Салтыкова-Щедрина, несомненно, привлекут внимание эти два изящных тома «Серии литературных мемуаров». Издательство «Художественная литература» включило в них воспоминания современников о великом русском сатирике, охватывающие весь период литературной деятельности Щедрина с 1848 по 1889 год. Живые слова очевидцев о писателе, на котором было, по словам Тургенева, «почти исключительно сосредоточено внимание и читателей и начальства», рисуют фигуру русского «пророка», «прокурора русской общественной жизни и защитника России от врагов внутренних», человека, прошедшего нелегкую, долгую жизнь.

Биография писателя. К сожалению, далеко не всегда придаем мы ей должное значение, рассуждая о творчестве того или иного художника. Порой анализируется произведение, рассматривается текст таким образом, что начинает казаться, будто не живой человек создал его, а какая-то заранее запрограммированная система, и первейшая задача исследователя — построить некую литературоведческую модель этой системы. Все это не только бесконечно обедняет творчество духовно, нарушает исторические связи, вырывает художника из «контекста эпохи», но и снижает высокую миссию, которую призвана играть литература — описание жизни человеческой и воспитание человека.

Конечно, нелепо было бы рассматривать литературное произведение лишь с позиций элементарных житейских соответствий, но часто именно биография писателя дает нам ключ к верному истолкованию тех или иных аспектов его творчества. А сущность такой сложной, внутренне напряженной прозы, как проза М. Е. Салтыкова-Щедрина, с ее эзоповым языком, глубоким подтекстом, уходящим корнями в далекое историческое прошлое, в забытый дворянский быт и чиновничий мир XIX века, без хорошего знания его жизни и окружения понять просто невозможно.

По этапам нелегкой судьбы ведут нас авторы мемуаров. Вот, например, первый раздел книги — «Арест. Ссылка. Возвращение». Одно из воспоминаний, помещенных здесь, называется: «За что и как был выслан в Вятку М. Е. Салтыков (с приложением записей из дневника Н. В. Кукольника)». «Дело Салтыкова», чиновника канцелярии военного министра, навлекшего на себя репрессии повестью «Запутанное дело», с большой доброжелательностью рассказано И. А. Пузыревским, сослуживцем Салтыкова. Среди тех, кто настойчиво пытался защитить молодого писателя, был немало известный тогда литератор Н. В. Кукольник, назначенный секретарем следственной комиссии по «делу Салтыкова». Он записывал в дневнике: «...в «Запутанном деле» заметно некоторое увлечение коммунистическими и западными революционными идеями. Но тоже невесть как страшно. С летами взгляд может отрезвиться. Но виден несомненный талант».

В один из шести разделов, составивших сборник, выделены мемуары, охватывающие шестнадцать важнейших в творчестве Щедрина лет — его работу в редакции «Отечественных записок». В 70—80-е годы XIX века он так полно и естественно слил свое существование с литературой и журналом, что его биография того периода «как бы растворяется» в литературном и редакторском труде. «Был он писатель в большей мере, чем все другие писатели,— говорил В. Г. Короленко.— У всех, кроме писательства, есть еще личная жизнь, и более или менее, мы о ней знаем. О жизни Щедрина за последние годы мы знаем лишь то, что он писал. Да едва ли и было что узнавать: он жил в «Отечественных записках». Мир этого наиболее влиятельного в демократических кругах России периодического издания, куда самые талантливые литераторы шли, как в свой дом, образ Салтыкова — писателя и редактора, сменившего Н. А. Некрасова на посту главы журнала, интересно раскрыт в воспоминаниях Г. З. Елисеева, С. Н. Кривенко, Я. В. Абрамова и других членов редакции.

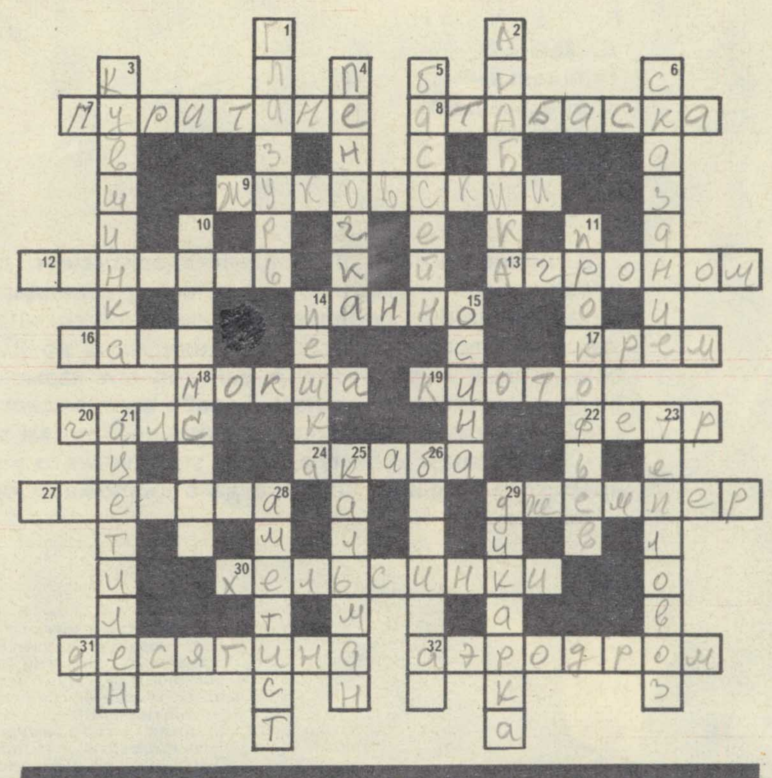
Воспоминания, вошедшие в двухтомник, собрал, прокомментировал, предварил обширной вступительной статьей Сергей Александрович Макашин.

Совпало так, что в дни щедринского юбилея исполняется 70 лет и ему, крупнейшему советскому исследователю жизни и творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина, автору многих книг и статей о великом сатирике. В конце 20-х годов С. Макашин по совету А. В. Луначарского обратился к творчеству Щедрина и с тех давних пор неуклонно продолжает этот труд. Лишь однажды на несколько лет он отложил в сторону перо. Наводчик-артиллерист С. Макашин на фронтах Великой Отечественной войны защищал свою Родину, ту русскую землю, «радетелем» о которой когда-то называл Салтыкова писатель Гл. Успенский.

А после окончания войны С. А. Макашин создает новые книги о Салтыкове-Щедрине и среди них два тома фундаментальной биографии; в качестве главного редактора участвует в подготовке и выпуске выходящего сейчас первого полностью комментированного собрания сочинений и писем М. Е. Салтыкова-Щедрина в 20 томах; готовит к печати воспоминания о писателе. Ученый, справедливо полагая, что личность мемуариста определяюща для оценки меры достоверности и объективности воспоминаний, предпослал публикациям в новом двухтомнике небольшие, но емкие и точные заметки. Почти каждая из этих вводных миниатюр — результат тщательного исследования. Ведь наряду с воспоминаниями лиц достаточно известных — В. Г. Короленко, А. Ф. Кони, П. Д. Боборыкина, Н. К. Михайловского, В. И. Танеева, в книгу вошли многочисленные воспоминания сослуживцев Салтыкова по Рязани, Пензе, Твери, Туле, бытовые воспоминания лиц, близких Щедрину.

Все это делает масштабнее наше постижение жизни и личности писателя, которого известный народнический революционер С. М. Степняк-Кравчинский характеризовал так: «Безжалостный сатирик, наводивший такой ужас своим убийственным пером, имел и при жизни репутацию человека, чья могучая личность так же интересна, как и деятельность, а жизнь — одна из благороднейших».

В. ЕНИШЕРЛОВ

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Роман В. Скотта. 8. Озеро в Канаде. 9. Основоположник современной гидро- и аэромеханики. 12. Немецкий живописец и график XIX века. 13. Специалист по сельскому хозяйству. 14. Обрамленная часть стены, украшенная живописью или орнаментом. 16. Птица отряда попугаев. 17. Косметическая мазь. 18. Приток Оки. 19. Город в Японии на острове Хонсю. 20. Курс судна относительно ветра. 22. Материал, получаемый валкой пуха. 24. Залив Красного моря. 27. Созвездие северного полушария неба. 29. Вязаная кофта. 30. Столица европейского государства. 31. Мера земельных площадей, применявшаяся в России. 32. Площадка для взлета и посадки самолетов.

По вертикали: 1. Стекловидный слой на керамике. 2. Горный массив на Кавказе, возвышающийся над Гагрой. 3. Водяная лилия. 4. Певчая птичка. 5. Искусственный водоем. 6. Жанр древнерусской литературы. 10. Польский писатель. 11. Советский композитор. 14. Шахматная фигура. 15. Лиственное дерево. 21. Газ, применяемый для сварки и резки металлов. 23. Локомотив с двигателем внутреннего сгорания. 25. Автор оперетты «Принцесса цирка». 26. Североамериканский черный медведь. 28. Полудрагоценный камень. 29. Пьеса, написанная А. Н. Островским совместно с Н. Я. Соловьевым.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали: 7. Соболев. 8. Диалект. 9. Воронеж. 10. Капелла. 11. Ватерпас. 18. Сорока. 19. Есенин. 20. Лобзик. 21. Санитарка. 22. Афанасьев. 23. Сказка. 25. Минута. 26. Ерошка. 28. Пристань. 33. «Золушка». 34. Саксаул. 35. «Колокол». 36. Керосин.

По вертикали: 1. «Бородино». 2. Фобос. 3. Резеда. 4. Цитата. 5. Аллея. 6. Скалозуб. 12. Тосканини. 13. Прибаутка. 14. Лопатка. 15. Шарабан. 16. Планкет. 17. «Сиверко». 24. «Зверобой». 27. Опекушин. 29. Ректор. 30. Ниамей. 31. Кубок. 32. Оскол.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Делегат XXV съезда КПСС ткачиха Яковлевского льнокомбината, Герой Социалистического Труда Алевтина Смирнова. Фото А. Награльяна
(См. в номере материал «Снова — встречный!»)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Рисунки Ю. Черепанова: Непробиваемые ворота. * «А я могу тоже сделать 3 оборота». * Со всеми удобствами. * Первые шаги в спорте. * «Замри, снимаю». * Экспромт.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 12/I — 76 г. А 00611. Подп. к печ. 27/I — 76 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 225.
Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 1630.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Б. ЛАБУТИН,
Д. ДИЕВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

«ПРИШЛИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, СНЕГ»

В конце января в каждый вьетнамский дом пришел праздник тет — новый год по лунному календарю. Три года назад, когда было подписано Парижское соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, это был первый мирный тет. А сегодня его называют «тет победы». Успехом увенчалась борьба вьетнамского народа за свободу. Вся страна сейчас на стройке. Героям этого репортажа, питомцам волгоградского технического училища № 1, предстоят большие дела, когда с дипломами они вернутся на родину.

Автобус мчался по широкому проспекту вдоль берега Волги, мимо сверкающих белизной новостроек. Мы впервые услышали, как звучит по-вьетнамски «Катюша».

— Ребята, а что вы знали об этом городе, перед тем как приехать сюда?

Нгуен Тхань Нанг, сын рабочего из Намдиня:

— Я видел надпись на фотографии, сделанной в Ханое в 1946 году, когда там шли бои: «Ханой — вьетнамский Сталинград».

Фан Дык Ки, его отец — крестьянин из провинции Виньфу:

— Во Вьетнаме работают тракторы, выпущенные волгоградским заводом.

Нгуен Хунг Ань, сын ханойского врача:

— Самая крупная у нас гидроэлектростанция — Тханба. Ее проект разработан с участием инженеров из Волгограда.

Несколько слов об училище.

Его биография началась строкой ленинского плана ГОЭЛРО, в котором говорилось о создании Царицынской ГРЭС. Первыми выпускниками и стали ее строители, вчера бетонщики и землекопы, а завтра инженеры-энергетики. В этих стенах готовились кадры для Братской гидроэлектростанции. О волгоградском техническом училище № 1 знают в Монголии, где работает созданный с его помощью учебный центр, знают на Кубе, в Бельгии, Канаде, США, где экспонировались работы выпускников. Питомцы училища — и среди тех, кто зажигает мирные огни над Вьетнамом.

Мы пришли сюда в обычный день. В кабинете русского языка Маргарита Анатольевна Иванова объясняла первокурсникам странную букву «зоу мем», которую можно написать, но невозможно произнести. Мы и сами не сразу догадались, что это наш мягкий знак. Букварь здесь... висел на стене: карточки и плакаты, помогавшие ребятам запомнить нужные слова. В соседней аудитории шел «курс Советского Союза», и ученики писали сочинение на тему «Я учусь в СССР». После урока мы открыли одну из тетрадей и прочитали строчки, написанные на русском: «Я рад учиться в Советском Союзе. Это страна передовой науки. Я стану здесь квалифицированным рабочим, приобрету много опыта. Я уверен, через короткое время Вьетнам будет индустриальной страной. Вырастет много ГЭС и ТЭЦ, заводов и даже атомных электростанций».

В комнате рядом было в разгаре занятие кружка технического творчества. Над чертежами будущих моделей колдовали советские и вьетнамские ребята. Одна из последних работ кружка и предмет его гордости — выполненный в миниатюре электровоз с линейным двигателем.

В кабинете электротехники мы познакомились с Нгуен Ван Кунгом. Преподаватель предложил ребятам собрать схему, установленную на стенде, и лампочка у Кунга замигала, кажется, раньше всех. Кунг уже на третьем курсе, через полгода вернется домой. Дед и отец — крестьяне из провинции Тханьхоа. После десятилетки Кунг два года работал в деревне, выращивал рис. Потом поступил в машиностроительный техникум в Виньфу, а заканчивает учебу в Волгограде.

Кунг еще и музыкант. Играть на флейте его научил дедушка.

— Когда вернусь, дед обязательно должен послушать, как у меня получаются «Подмосковные вечера».

Он пригласил нас в общежитие, пообещав что-нибудь сыграть, и вечером мы сидели в его комнате. Кунг отложил письмо, которое перечитывал, наверно, уже в десятый раз,— тоже от деда. О своем дедушке, старом партизане, герое войны Сопротивления, Кунг готов рассказывать до утра. Когда образовалась ДРВ и в деревне появился кооператив, дед одним из первых вступил в него. Сейчас он пишет внуку, который не был дома вот уже три года: «Приезжай, здесь много дел для твоих рук».

Кунг поднес к губам инструмент, и показалось, будто остроносые джонки на бамбуковых ковриках, развешанных по стене, стали тихо покачиваться в такт мелодии старинной песни. В ней поется о людях Вьетнама, о родной земле, о вере в будущее.

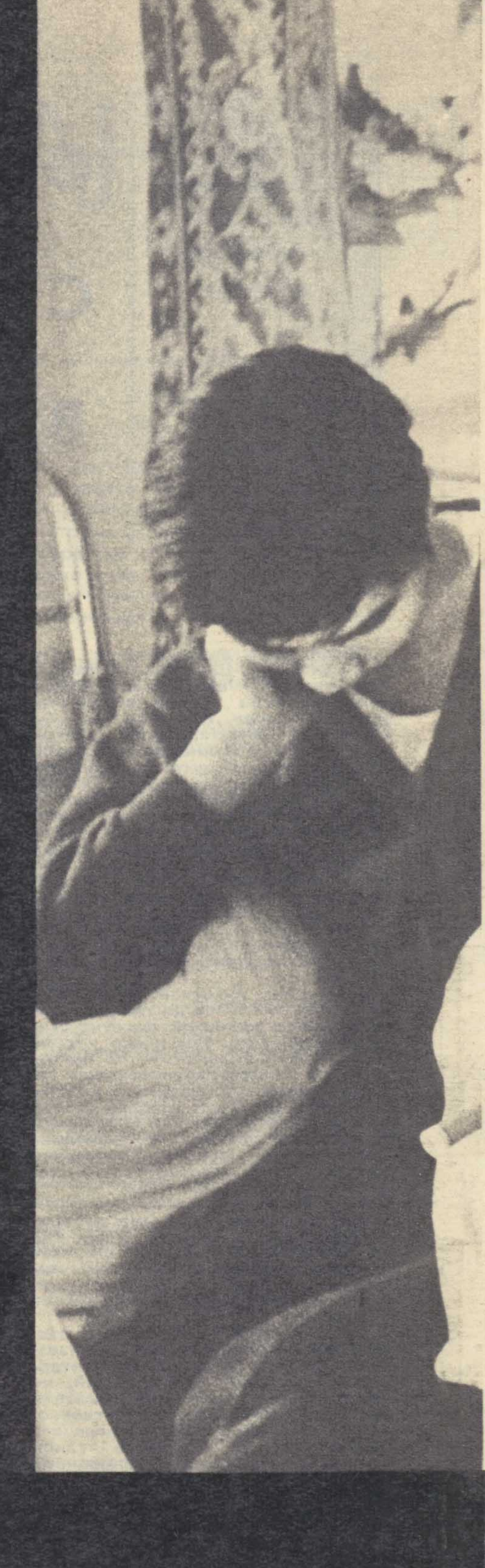
Профессии этих вьетнамских парней звучат буднично: монтер, слесарь по ремонту оборудования электростанций. Но их назовут героями трудных лет восстановления.

— У нас есть поговорка: «Когда ешь плод, помни о том, кто посадил дерево»,— сказал на прощание Кунг.— Мы всегда будем помнить, кто дал нам знания.

В Волгоград приходят письма с берегов Красной реки. Пишут те, кто уехал отсюда совсем недавно, пишут самые первые выпускники.

Это письмо нам показала М. П. Богатырева, преподавательница русского языка. Нго Ши Хой, ее бывший ученик, сейчас работает в Ханое.

«Я рассказывал своим родным и друзьям и расскажу сыну, когда он подрастет, об учительнице, которая научила меня говорить по-русски, о героическом городе Волгограде, о Советском Союзе. Какая это замечательная страна, какая там природа, какие люди! Я горжусь тем, что учился в СССР, стране передовой науки и культуры. Наше правительство наградило меня орденом Победы. Я хочу, чтобы всегда был мир в моей стране. Скучаю без вашей зимы. Я очень люблю снег, но во Вьетнаме его нет. Если бы было возможно, я попросил бы вас — пришлите, пожалуйста, снег!».

В кабинете электротехники.

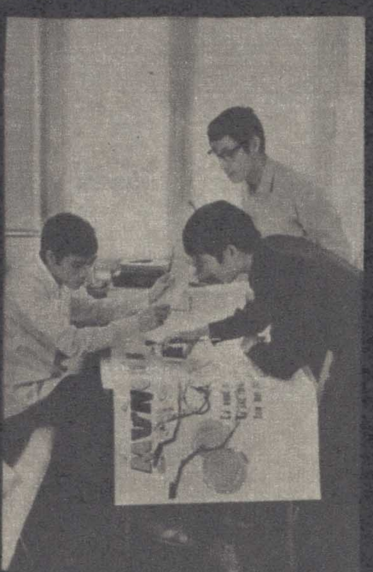
Песня о будущем вьетнамской земли.

Нгуен Хунг Ань учится говорить по-русски.

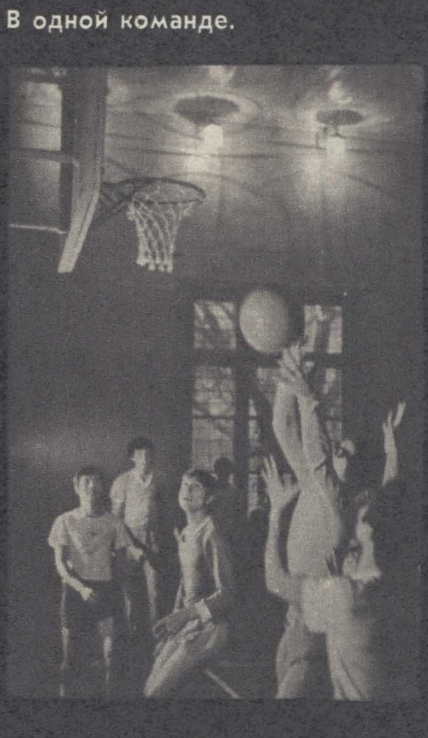

Работает кружок технического творчества.

Редколлегия.

В одной команде.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663